

МАРИНЕТТИ
БИТВА

У

ТРИПОЛИ

САЛАМАНДРА Р.В.В.

БИБЛИОТЕКА АВАНГАРДА

II

Salamandra P.V.V.

Филиппо Томмазо Маринетти

БИТВА У ТРИПОЛИ

(26 октября 1911 г.)

ПЕРЕЖИТАЯ И ВОСПЕТАЯ Ф. Т. МАРИНЕТТИ

Перевод и предисловие Вадима Шершеневича

Salamandra P.V.V.

Маринетти Ф. Т.

Битва у Триполи (26 октября 1911 г.), пережитая и воспетая Ф. Т. Маринетти. Пер. и предисл. В. Шершеневича. Портр. раб. Н. Кульбина. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2010. – 97 с., карта, илл. – PDF.

Когда в 1911 г. разразилась итало-турецкая война за власть над колониями в Северной Африке, которым предстояло стать Ливией, основатель итальянского футуризма, неистовый урбанист и певец авиации и машин Филиппо Томмазо Маринетти превратился в военного корреспондента.

Военные впечатления Маринетти воплотились в яростном сочинении «Битва у Триполи» (1911). Эта книга поэтической прозы в полной мере отразила как литературное дарование, так и милитаристский пафос итальянского футуриста.

Переведенная на русский язык эгофутуристом и будущим лидером имажинизма В. Шершеневичем, «Битва у Триполи» не переиздавалась с 1915 г. и давно является библиографической редкостью. Издание снабжено подробными комментариями.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если самое имя Ф. Т. Маринетти и не вполне чуждо уху русского читателя, если оно и не совсем ново для него, то все-таки мы можем с полной уверенностью сказать, что произведения этого славного поэта современной Италии совершенно неизвестны читателю. В то время, как на Западе – во Франции, Италии и Англии – публика живо заинтересована этикой и философией Маринетти и, то восхищаясь, то негодуя, читает его идейный роман «Мафарка-футурист», памфлеты на д'Аннунцио и папу, лирические и драматические произведения, – русскому читателю мало знакомы те общественные, социальные и философские идеи, которые проводит Маринетти в своих поэмах и романах; проводит энергично и неуклонно, агрессивно и резко, так как он, по его собственным словам, «слишком страстно любит свои идеи, чтобы иметь возможность облекать их в дипломатические формы и элегантные маски». Русского перевода дождалась пока только манифесты об искусстве («Манифесты Маринетти и др.». М. 1914) и книга *Le Futurisme* (Маринетти. Футуризм. К-во «Прометей». 1914).

«Битва у Триполи» представляет для русского читателя двойной интерес. Помимо чисто литературной, чисто художественной ценности, заключающейся в четком рисунке и точности, новизне образов, эта книга представляет еще интерес случайного, но важного характера: это книга о войне. Книга о войне с турками, с нашими сегодняшними явными и уже давно тайными врагами. Такая книга должна представлять несомненный интерес для тех, кто вчера проводил своих близких на театр военных действий.

Маринетти описывает войну и сражение не так, как описывали ее до сих пор. Мы, привыкшие к войне по романам и повестям Льва Толстого, по рассказам Гаршина, по стихам Пушкина и Лермонтова, будем несколько изумлены. Нам, привыкшим к словам об ужасе, о кошмаре, о пытках военной

жизни, будут странны эти хвалебные восторги войне, это восхищение, влюбление, преклонение по отношению к битве. Невольно у нас может сложиться мнение, что Ф. Т. Маринетти так пишет только потому, что он идеалист, поэт-фантазер, никогда не нюхавший войны.

Однако, такое мнение неверно: слова Маринетти обожжены подлинным пороховым дымом, действительно, «пальба пушек диктовала ему фразы».

Еще в итало-турецкую кампанию он отправился добровольцем к окопам Бумелианы и Триполи, принимал участие в Триполийском бою, и эти-то самые впечатления он излагает в этой книге. Его увлечение войной не прошло. Ныне, когда снова перекраивается Европа, когда новый Герострат культуры и прогресса возомнил себя новым Наполеоном, когда затоплена водой и неметчиной Бельгия, когда локоны знамен и морщины окопов украсили Францию, когда рассыпается порошком «лоскутная» Австрия, когда доблестная Сербия и Черногория побеждают врага, когда Англия и Япония ампутировали у немецкого чудовища колониальные ноги, когда Турция как и Австрия, отступают, когда Россия приняла новую годину горести и славы, – Маринетти снова на войне.

После пламенных и горячих речей на площадях Милана и Рима, после прокламаций и листовок, статей и брошюр, в которых поэт громил неправильность и несправедливость итальянского нейтралитета и громче, чем всегда, выкрикивал: «Долой Австрию!», требуя активного вмешательства своего правительства и своей родины в войну, – Маринетти уехал волонтером в ряды французской армии, где и сражается с сентября месяца. Трудно сказать окончательно, где именно поэт и что с ним, но, по некоторым дошедшим до нас известиям, он был в Эльзасе, здоров и невредим. Будем надеяться, что и эта война окажется для него так же удачна, как и итало-турецкая.

Однако, кто же он, этот человек, одинаково хорошо владеющий пером и шпагой, «какие мрачные химеры в мозгу измученном живуг»?

Маринетти родился в Египте, итальянец по происхождению. Вскормленный черной грудью африканской кормилицы, о которой он позднее упоминает в своем манифесте об искусстве, поэт рано начал свою литературную деятельность. Так, уже в пятнадцатилетнем возрасте, пройдя коллеж французских иезуитов, Маринетти основал в Александрии журнал «Папирус». К двадцати годам поэт окончил Сорбонну и поселился в Милане. Здесь он организовал журнал *Poesia*, роскошное издание, где почти все страны были представлены поэтами, печатавшимися в оригинале. Не забыта была и Россия. Когда теории, провозглашенные в *Poesia*, стали достоянием всех, Маринетти создает, неутомимый деятель, новую школу; его новые идеи в области искусства облетели весь мир, под общей кличкой «футуризма».

Я не буду касаться литературных принципов Маринетти: о них говорили многие многое, оценивая их самым различным образом. Моей задачей явится выяснение отношения Маринетти к миру, к жизни и, в частности, к войне.

Конечно, Маринетти идеалист, но он и позитивист; конечно, он утопист, рисующий будущее мира по наброскам Спенсера, увлеченный социальными грезами Уэллса и Беллами, но он и отрицатель социализма. Вот как рисуется жизнь в будущем этому поэту:

«... Посредством сети металлических канатов сила морей поднимается до гребня гор и концентрируется в огромных клетках из железа, грозных аккумуляторах, грозных нервных центрах, распределенных по спинному и горному хребту Италии. Энергия отдаленных ветров и волнений моря, превращенная человеком во многие миллионы килоуаттов, распространяется всюду, регулируемая клавишами, играющими под пальцами инженеров. У людей стальная мебель, они могут писать в никелевых книгах, толщина которых не превосходит трех сантиметров, которые стоят всего восемь франков и тем не менее содержат сто тысяч страниц. Плуги-автомобили непрерывно мчатся в луга электрически перекапывать, обрабатывать и орошать землю. Поезда-сеялки два или три раза в год разъезжают по равнинам для бешеных посевов. Электричество берет на себя заботу об

ускорении всхода семян. Земля целиком состоит из электризованных частиц и регулирована, как огромная Румкорфова катушка. Глаза и другие органы человека уже не просто чувствительные приемники, а настоящие аккумуляторы электрической энергии. Голод и нужда исчезли, горький социальный вопрос исчез. Вопрос о финансах сведен к простой отчетности о производстве. Интеллект царствует повсюду. Мускульный труд утрачивает рабский характер и служит только трем целям: «гигиене, удовольствию и борьбе»...

Кое-что из того, что говорит Маринетти, есть не что иное, как реставрированное ницшеанство, кое-что ново для Запада, но для нас старо после Базарова.

Но мне кажется новой исходная точка Маринетти. Не благо человечества, не социальные перспективы, не анархизм, – печкой, от которой танцуют его идеи, является патриотизм.

– «Слово «Италия» должно быть выше слова свобода!» – многократно заявляет Маринетти.

Любовь к родине, самый чистый и пламенный патриотизм увлекают поэта. Он жалеет эту «любовницу всех столетий», ныне обращенную в «климатическую станцию первого разряда».

В резкой, но справедливой речи, произнесенной в Триесте, Маринетти упрекает итальянцев:

«Да, могилы в ходу. Зловещее выступление кладбищ. Мертвые овладевают живыми. Следовало бы назвать Италию не землей покойников, а банком покойников. О, этот способ эксплуатации!»

Что привлекает в Италию туристов и иностранцев? Руины, остатки старины, словом, все то, что «покрыто страшной святостью веков». Значит: долой все это! Пусть моя родина встанет наравне с другими государствами, как собрат, как нечто мощное и самодовлеющее, а не как музейная редкость! Да здравствует экономический и торговый расцвет страны, и долой все, что мешает этому новому Ренессансу!

Долой Австрию и пангерманизм!

О, этот клич! Сколько раз им кончал Маринетти свои речи, свои конференции – и сколько раз из-за этой острой

вражды к Австрии поэту приходилось буквально вступать в кулачный бой с австрофилами и полицией!..

Боль за родину, которая должна выкарабкаться из под груды руин и развитию которой мешают австрийские тиски, боль за родину погибающую, – о, какая это величественная и жуткая боль!

«Наше великое движение интеллектуального развития могло родиться только в Италии, стране более жизненной, чем какая бы то ни было другая, но и более всех других раздавленной удивительным прошлым. Долой монархию и Ватикан! Долой антимилитаризм и позитивистический рационализм! Долой Австрию! Слово «Италия» должно сиять ярче слова «свобода»! Я жажду всех свобод, кроме свободы быть трусом и пацифистом, антипатриотом. Я мечтаю о величии интенсивно-земледельческой, промышленной и торговой Италии» – пишет Маринетти 11-го октября 1913 года.

Все способы, ведущие к возвеличению родины и индивидуального интеллекта, одинаково хороши. Если нужно убийство – убивай, насилие – насилуй! Все в жертву новому сверхчеловеку!..

Однако, поэт решительно отвергает влияние Ницше.

Ницше, по мнению Маринетти, пессимист, шествующий по вершинам Фессалийских гор, в путях древнегреческих текстов. Его сверхчеловек – продукт эллинского происхождения, суммированный из разлагающихся трупов Аполлона, Марса и Вакха. Этот сверхчеловек зачат в культуре трагедии, предполагает возврат к мифотворчеству и к язычеству.

Сверхчеловек Маринетти прямо противоположен. Он родился не в царстве книжной пыли, а на площади. Это человек, умноженный на самого себя, друг личного опыта, воспитанник и ученик машины.

«В тот день, когда человеку станет возможно экстериоризировать свою волю, так что она будет продолжаться вне его, как огромная невидимая рука, Мечтание и Желание, ныне пустые слова, приобретут верховную власть над укороченными пространством и временем».

Ницше, книжный и античный Ницше! Он не одобрил бы современных людей, то подрастающее столетие, которое Маринетти задушевно называет «первыми набросками человечества». Космополитизм, любовь к жизни, презрение к ее ценности, синдикалистический прилив, лет авиаторов – вот границы нового сверхчеловечества.

Теория Маринетти вся соткана из противоречий... Словно издаваясь над строгими, готическими зданиями логики прежних мыслителей, он, сын Гоббса и Макиавелли, строит из камней своей мысли самое чудовищное по своей непропорциональности здание.

Фундамент, как мы уже говорили, – любовь к Италии. «Я люблю Италию, как любит здоровый человек свою мать». И рядом: долой мать, долой всякую любовь, так как она сковывает нашу свободу, каждый шаг человека! Долой женщину и ее руки, которые тяжелее железных цепей, – а через две-три страницы, сравнение «очаровательной митральезы» с женщиной. Позитивист и идеалистичнейший идеалист, космополит и националист, поэт и ученый, неотразимый в своей логичности, оратор, отрицающий логику, величественная унтер-офицерская вдова, которая все время сечет сама себя!

Но, как бы то ни было, в своем отрицании всех существующих и существовавших ценностей, Маринетти отнюдь не отрицает ценностей, как таковых. Он их только меняет, реставрирует. На место всех прежних ценностей выдвигаются две новые, упорно и неизменно восхваляемые поэтом: машина и движение.

В машине все; все для машины. Будущее рисуется, как царство машины и умноженного на самого себя механического человека. Маринетти открыто и определенно говорит, что надо подготовить близкое и неизбежное отождествление человека и мотора. Принимая трансформистскую гипотезу Ламарка, он признается, что мечтает о создании нечеловеческого типа, у которого будут уничтожены, атрофированы моральные страдания, доброта и нежность, любовь и привязанность, эти единственные яды, отравы неистоцимой

жизненной энергии, прерывающие наше могучее физиологическое электричество.

«Мы верим, – заявляет Маринетти, – в возможность беспредельного количества человеческих трансформаций и говорим без улыбки, что в человеческом теле дремлют крылья». О, новая путаница. Проклинающий античное, не к античным ли мифам возвратился он. И, возвратившись к старинному мифу о Дедале и Икаре, как резко оскорбляет поэт веру в божественное начало восхваленного человека, явно мечтая создать когда-нибудь механического сына, плод чистой воли, синтез всех законов, открытие которых будет ускорено машиной.

Динамизм – это, по мнению Маринетти, то единственное, на чем основан процесс и дальнейшее развитие человечества. Только в движении жизнь; оно не должно затихать ни на одну секунду. Если Галилей открыл, что земля вертится, то Маринетти мечтает: нельзя ли заставить ее вращаться быстрее и интенсивнее. Каждая речь, каждый памятник ораторского пыла, каждая книга и статья итальянского поэта направлены к восхвалению быстроты и движения.

Однако, человек боится перемен, боится движения. Он, по традиции, любит прирастать к своему насиженному месту, он покрывается грязью и пылью статического состояния.

«Двигайся!» – требует Маринетти. И громогласно утверждает:

«Я славлю войну, эту единственную гигиену мира!»

«Война разрушает, но война и встряхивает мир; значит, она хороша».

«Итальянцы! Не забывайте, что итальянский полуостров имеет форму дредноута, с его эскадрой островов-миноносцев».

«Триест! Ты багровое и гневное лицо Италии, обращенное к неприятелю. Ты – стиснутый кулак, протянутый против неприятеля, который подготавливается: не будем забывать этого! Триест, ты – наш единственный пороховой погреб!»

«Патриотизм и любовь к войне – это принципы гигиены, без которой нет ничего, кроме упадка и смерти!»

«Мы питаем в нашей крови главную ненависть итальянцев XX века: ненависть к Австрии! Кто может отрицать, что теперь слова «боец» и «мужчина» – синонимы?»

«Несмотря на бурю перерывов и свистков я продекламировал от начала до конца оду в честь генерала Азинари де-Бернеццо, который был несправедливо удален в отставку за то, что произнес перед войсками речь против Австрии».

Тот же патриотизм владеет душой Маринетти, когда он благословляет войну с ее ужасной кровопролитией, калечками и мертвецами, этим «слишком драгоценным сором войны».

Героизм, как проявление динамической души, заслуживает еще большего одобрения, когда он вспыхнул на войне. В своей «Битве у Триполи» поэт обращается к солдатам и говорит, что его восторг – это восторг сердца родины, сердца Италии.

Относясь к войне, как к благословенному дождю, Маринетти не может описывать ее так, как описывали войну до сих пор.

Писатели и поэты до сих пор видели в войне только ужас, кошмар (Л. Толстой, Гаршин), факт, необходимость (Лермонтов, Пушкин) или, наконец, ободряли воинов, говоря о высокой цели данной войны (Тютчев). Типичны строки:

«... Страшный год! Газетное витийство
И резня, проклятая резня!
Впечатленья крови и убийства,
Вы вконец измучили меня.
О, любовь! – где все твои усилья?
Разум! – где плоды твоих трудов?
Жадный пир злодейства и насилья,
Торжество картечи и штыков...»

(Некрасов)

... «Она (война) идет ... с бессмысленным кровавым приговором»

(Голенищев-Кутузов)

... «Бывший человеческим и ставший зверским вид»

(Бальмонт)

«Мне странно подумать, что трезвые люди
Способны затеять войну»

(Бальмонт)

Маринетти первый описывает войну как нечто прекрасное само по себе. Увлеченный митральезой, бомбардирующим аэропланом, героизмом солдат и лейтенантов, восторгнувшийся от колоссального движения и отступления многотысячной армии, Маринетти с упоением живописует битву, все перипетии ее, анализирует чувства наблюдателя и действующего. Он сам ежесекундно взрывается от пороха своего энтузиазма. Он поет гимны бомбам, взрывающим необработанные поля, пулям, сверлящим дерево, пушке, губы которой нагреваются от выплевываемых ядер, словом, всему тому, что действует и движется и что до сих пор казалось только печальной необходимостью.

Мастерски описав общее состояние отряда, бредущего под самумом по пустыне, подготовку к бою, поэт великолепно намечает и самый бой. Здесь нет и следа холодной рассудительности Льва Толстого или тянущихся переживаний героя «Четырех дней». Каждая строка дышит, движется, обнаруживает новые и новые прекрасные стороны битвы. Невероятный подъем духа, южный темперамент автора, его отрывистый, без подлежащих и еще чаще без сказуемых слог придает живость описываемому. Битва и окопы живут... Словно прожектором, своими образами нащупывает поэт битву. Образ за образом, образ за образом, почти полное отсутствие простого описания, снова атака образов. Эта

образность – общее свойство произведений Маринетти, но никогда это нагромождение образов, самых разнообразных, зачастую противоречащих друг другу, этот метод политематизма не были применены с большей удачностью.

Из хаотического слога рождается хаос битвы; темп и ритм образов и слога передают темп и ритм битвы. Некоторые образы так сжаты, что приходится их расшифровывать. Вообще, данное произведение ультракомпактно. Из него выжато и выброшено все не самое, самое главное.

В заключение, я думаю, что русскому читателю будет интересно узнать тот манифест, который был издан Маринетти, по поводу своего отъезда в армию, во время итало-турецкой войны, в октябре 1911 года. Привожу его целиком:

За войну, единственную гигиену мира и единственную
воспитательную мораль.

Мы, футуристы, которые, в продолжение двух лет, пренебрегая свистками подагриков и паралитиков, прославляем любовь к опасности и насилию, милитаризм, патриотизм, войну, как «единственную гигиену мира и единственную воспитательную мораль», мы счастливы, наконец, от того, что живем в этот великий футуристический час для Италии, в то время, как в агонии кончается отвратительное племя пацифистов, отныне зарытое в глубоких подвалах смешного Гаагского дворца.

Еще недавно мы, ударами кулаков, на улицах и на митингах, сшибали наших наиболее яростных противников, изрыгая им в лицо следующие неуклонные принципы:

1. Слово «Италия» должно блистать ярче, чем слово «свобода».
2. Индивидуум и народ должны пользоваться всеми свободами, кроме свободы быть трусами.
3. Необходимо, чтобы назойливое воспоминание о римском величии было бы, наконец, стерто во сто крат большим величием итальянским.

Италия рисуется нам сегодня лишь в мощном виде прекрасного Дредноута, с его эскадрой островов-миноносцев...

Гордые от сознания, что воинственный порыв нации совпал, наконец, с тем, что всегда воодушевляло нас, мы призываем итальянское правительство довести до грандиозных размеров все национальные честолюбия, презирая нелепые обвинения в пиратстве, и провозгласить рождение Панитализма.

Футуристические поэты, художники, скульпторы и музыканты Италии! Бросьте стихи, кисти, резцы и оркестры до тех пор, пока не кончится война! Начались красные каникулы гения!.. Сегодня мы можем восхищаться только грозной симфонией шрапнели и скульптурным рельефом, высекаемым пушечными залпами нашей вдохновенной артиллерии в рвах неприятеля!»

После этого манифеста поэт отправляется в Африку, участвует в боях и, возвратившись назад, пишет свою «Битву у Триполи», которая печатается в *L'Intransigeant* с 25-го по 31-е декабря 1911.

Однако, этим дело не кончается.

В других газетах, особенно в немецких, появляется ряд статей, истолковывающих битву у Триполи, как турецкую победу. Возмущенный этим обстоятельством, Маринетти возражает на «турецкие утки». Эти ответы мы прилагаем в конце книги, так как они представляют большой интерес. Помимо самого факта – давления на общество заведомо ложными сообщениями – Маринетти разоблачает роль Германии в итало-турецких отношениях и рисует любопытные проделки немецких корреспондентов. Эти инсинуации, подтасовки, провокаторские выходки, натравливание одной страны на другую, фабрикация фальшивых фотографий, мнимое обличение в жестокости и прочие неблагопристойности немецкой прессы и газетчиков очень интересны.

Нелишним, полагаю я, явится мое сообщение о том, что антинемецкая книга Маринетти пользуется популярною известностью и сочувствием итальянского общества и быстро раскупается. Так, экземпляр, с которого сделан этот перевод, издан в 1912 году и уже относится к серии «пятидесятой тысячи».

Вадим Шершеневич

БИТВА У ТРИПОЛИ

1. На опасном посту.

25-го октября, в три часа пополудни, лейтенант Марри со своими пятнадцатью пехотинцами, одетыми в серую форму, легли на живот, на гребне самого высокого холма, в двух ки-лометрах от пальмовой рощи близ Бумелианы, окруженной траншеями.

Их часовой стоял, закинув ружье за спину, и щелкал зубами, как флаг, когда самум обрушивался на дюны, словно желая смести их молодые, мясистые, гладкие, живые соски.

В эти минуты солдаты совершенно механически поворачивались, будто гибкие кусты, спиной к красной лавине, из которой мало-помалу выходили; протирали глаза, чтобы различить еще вдаль, в слепящем отражении, подозрительные пятна пустыни...

Пустыня и ее дикие стада песков, которые раскинулись огромным кольцом вокруг голодного солнца, раздирающего там, между своими алыми, красноватыми пальцами, свежесобранную кучу.

Мрачные остатки одинокого следа, по которому шагают ослепленные, изнемогающие караваны, между приторной и теплой вонью навоза и паленой шерсти. Дороги, проложенные гниющими, разлагающимися трупами верблюдов, которые окружены мухами...

Миллионы эфемерных следов от ног и сапог, без конца, непрерывная цепь хрипений, клятв и липких плевков. Дни шаганий и усилий, стиснутых строем и, наконец, в красном проклятии вечеров – ужасающее безводие колодцев.

Ночи, придавленные усталостью, камнями звезд и ободранных собак, среди раскаленных мешков, наполненных камедью, губками и страусовыми перьями, протухнувшими

в аммиачной щелочи гниющих кож. Ночи, опустошенные жаждой и растянутые в сто столетий!..

Дороги с методичными извивами, которые торопятся и следуют в неизвестное, друг за другом... Вы таинственно открываете ваши тропинки, как пальцы, длинные, легкие пальцы, теряющиеся и тонущие, как попало, там и сям...

Почему, ах, но почему же этот одинокий кочевник вдруг перестал отмечать свои шаги? Быть может, улетел? Нет больше следов... Но они появляются снова, дальше, с такою грустью... Дороги, разочарованные и скептические, которые иногда уходят рядом, внезапно соединяются, потом постепенно расстаются у пустой безнадежности горизонта и, не говоря друг другу последнего нежного прощального слова, тонут, погружаются вразбивку за холмом навсегда, навсегда...

Медлительными шагами, с клубком часовых, расставленных на опасных местах, малиновые лучи солнца, наклоняясь и нагибаясь, возвращаются из траншеи, под мечтательные пальмы, которые все более и более ослабляют нерешительные вспышки своей листвы.

Самые высокие, как начальники племен, качают своей оперенной головой; они дремлют над свежей и подслащенной неподвижностью фруктовых садов.

У самых моих ног первые песчаные волны пустыни на берегу оазиса; эти волны – нежного цвета корицы. Дальше: светло-алые очертания женского тела; еще дальше: муаровая волнистость, осторожно выскобленная, вычерченная и вычеканенная вечерним ветерком...

Слабый и уставший ветерок рассеянно покоит на холмах свои хилые руки. Странно колеблясь, он выпрямляется и корчитя, свирепо спеша оживить всюду, всюду, всюду умершие от скуки дюны. Тогда неизмеримая пустыня покрывается более ослепительными переливами красок. Здесь – беж, там – розовый, через два километра – розовато-голубоватый, и, наконец, там, совсем далеко – надменно-оранжевый.

В обширной и округленной судороге светоносных желаний пустыня, вдруг оживившаяся, как бы увлекает за собой

весь горизонт и толпы окрашенных в пурпур облаков; увлекает и зовет взять приступом оазис, чтобы дико задушить его своей любовью.

Необузданная страсть пустыни! Величественное дыхание диких дюн, этих спящих львов, которые иногда хлопают и бьют своим могущественным хвостом с песочным султаном на конце. Они ступшевываются, затуманиваются и видоизменяются.

Теперь пустыня – это только бесчисленное множество темно-красных удавов, пожирающих воздух; и на этих змей спускается солнце, все более и более толстое, тяжеловесными каскадами. Громадное прозрачное яйцо, раскаленное добела, розоватое солнце мало-помалу вытягивается и уплощается, касаясь обмытых старым золотом дюн Гаргареша.

2. Оркестр ночных траншей.

Возле колодцев Бумелианы, под группой оливковых деревьев, три верблюда, комфортабельно улегшись на песок, радостно полощут себе горло, как старые водосточные трубы, примешивая свое хрипение к тэф-тэф парового насоса, утоляющего жажду города.

Футуристические визги и диссонансы в глубоком оркестре траншей у излучистых проходов, в звонких углублениях, средидвигающихся взад и вперед штыков, этих смычков скрипок, которые воспаляет энтузиазмом красная палочка дирижера-заката.

Это он широким жестом собирает разбросанные на деревьях флейты птиц и жалостливые арфы насекомых, треск ветвей, лязг камней...

Это он определенно и решительно задерживает последовательные звуки тимпанов и сталкивающиеся штыки, чтобы заставить петь во весь голос все звезды в золотых одеждах, которые стоят с протянутыми руками у рампы неба, петь во весь голос под аккомпанемент оркестра, играющего под сурдинку.

А вот и дама, присутствующая на спектакле: сильно-декольтированная пустыня, действительно, выставляет напоказ свою громадную грудь, с тысячью расплавленных опухолей, покрытых лаком розовых румян, под обрушивающимися драгоценными камнями расточительной ночи...

– Командир, когда битва?

– Пойдем и поужинаем, мой друг... – отвечает мне мой начальник, капитан корабля, Савино, командующий батареей Бумелианы.

Вот палатка, построенная из провиантных ящиков, наполненных песком. Она стоит на бугорке, который слегка возвышается над траншеями. Савино и капитан де-Росси вместе со мной усаживаются за стол поближе к самым горячим, подрумяненным, самым удивительным в мире макаронам, и мы их поглощаем в священной тишине кануна битвы.

Нас укрывали сильные и покрытые листвой мускулы оливкового дерева. О, все наши комплименты, сказанные шепотом, тебе, Фазуло, моряк-повар, который старательно развесил одеяла на нижних ветках, чтобы скрыть нашу маленькую свечку, вставленную в горлышко бутылки!

Островок беспечного блаженства в море коварных сумерек.

Бифштекс, цыпленок, бисквит, кофе, рюмочка, – чего же еще желать? Турецкая папироска, само собой разумеется, которую держат перевернутой, прикрывая, как абажуром, рукой.

Стол исчезает. Мы снова стоим в звездном опылении африканской тяжелой ночи...

О, радость позволить сердцу вознестись к зениту, в то время, как у наших ног молчаливо копошатся траншеи с их маленькими коренастыми пушками, словно доги на цепи; доги, застывшие в своем порыве, с пастью поднятой в седеющей темноте и черноте пустыни.

«Звезды цвета опасности, о вы, которые часто заставляли меня завидовать вашей светоносной наглости и воинственным приключениям! Я горжусь вашей прочной дружбой со

мною, потому что мы достойны вас, мы, лунатики, которые можем, наконец, играть со смертью на ваших глазах.

«Наши ночные траншеи так же прекрасны, как и ваши. Уже не краснея от нашей грязной и ленивой подлости, смотрим мы на вас, как прежде, на кричащем пороге кафе-концертов!

«Как уже далеко то время, когда вы сконфуженно карабкались по крышам мирных городов, чтобы освещать и озарять разноцветные сады шляп кокоток!.. Вы, без сомнения, предпочитаете им эти кусты штыков!.. Стоя теперь на сторожевом посту нашей гордости, с грудью, открытой для угрюмого полета ядер, мы с вами господствуем теперь над иронической пустыней человеческих воль, в то время, как на наших щеках лихорадочно вспыхивает божественная жажда опасности!»

Слушаясь порыва моего сердца, пальмы простирались, как длинная трость цвета китайской туши, разбивая свои жидкие султаны о блестящий флер млечного пути.

Прозрачность ночи такова, что наши лбы касаются звезд. Я чувствую себя взнесенным к самому небу, увлеченным в даль моими размножившимися глазами, которые дают залп взглядов, как пули наших многострельных ружей, по направлению к оазису, в пустыне, на неисчислимое расстояние.

Небосвод предлагает мне свою свежую наготу. Мне жалко, мне нестерпимо жалко эти огромные оливковые деревья, которые прямо сгибаются под белой и сочной тяжестью этих слишком разбухших звезд.

Огромные, белые, белые, жидкие звезды, которые текут, как лучезарное молоко, по стволам пальм, и там и сям раздавливают ячмень, пшеницу и люцерну! О, колоссальные капли восхитительного молока!..

Вот, дальше, отражающиеся блестящие шары настоящей слоновой кости. Некоторые звезды-шары закованы в пылающее серебро, которое ослепляет. Они качаются, зацепившись за деревья волокнами своих лучей.

Около меня, сквозь листву, одна звезда спускается, удивительно похожая на маленькую обезьянку у и с т и т и, всю осыпанную снегом... Вот она повисла, уцепясь своей самой длинной рукой, мохнатой и в то же время перламутровой, на этой высокой ветке... Как они красивы над головой, эти бесчисленные подружки!.. Звезды, или скорей – тонкие прорешки в голубом шелке небесного свода, натертого теплыми духами.

Передо мной юнга, стоящий на часах, образует в опыленном мраке пустыни треугольный эбеновый силуэт: он несет на своей спине свое ночное одеяло, как з е н д а д о. Будят в глубине траншеи моряка, который должен сменить его на часах. О, бедный спящий, который потягивается, не понимает ничего, отказывается понимать что-либо, бранится и потом внезапно встает, в полной боевой дисциплине, весь омытый сном.

Остальные мирно храпят, как прибор в глубине одинокой бухты. Траншея имеет для них кислый и прогорклый запах трюма, с его отважным и сладким качанием, качанием, покачиванием!..

Вот этот сонливец во власти кошмара, лицом в песок, яростно говорит глубоким духам земли. Около него другое тело, которое дрожит, сладко отдается длинным, дымным рукам, которые из глубины тосканской деревушки, усыпленной под луной, простираются, такие печальные, такие страшно печальные, простираются через море к африканским аванпостам.

Остервенелые и зловещие диалоги. Иногда крышка ящика с провиантом, падая, производит шум выстрела. Часовой, начинающий свой бдительный и зоркий караул, трясет свое одеяло с шумом далекой канонады, потом взваливает это одеяло на спину, черный треугольник, и стоит неподвижный против свежего и полного козней дыхания пустыни.

– Проклятие! Потушите это! – Савино говорит яростно, тихим голосом. – Я не хочу, чтобы курили в траншеях!..

Шепоты замирают под непрерывным броском падающих звезд, образующих изумительный золотящийся позво-

ночник на небосводе. Самая прекрасная из всех звезд спускается, как розовая чайка, касаясь гребней траншей, к Гаргарешу.

Она, вероятно, задевает курок ружья; осуществленное желание; чу! выстрел! Бах!

Тревожное, долгое молчание... Это был ложный переполох. Однако, все африканские собаки-колдуны просыпаются в глубокой пальмовой роще, среди судорог тропинок; просыпаются огромные пресмыкающиеся и спрятавшиеся крокодилы.

Собаки белые, чересчур белые, омытые луной и страхом, волкодавы с слишком добрыми глазами, элегантные бездельники складов солонины, тонкие знатоки засад и падали, мрачные и зловещие вестники, ошейники которых набиты письмами...

Танцую всеми четырьмя ногами в труппе, выгнув хребты, встряхнув их голосами, похожими на визг блока и стук молотка, эти белые собаки без конца ворчат на пугающие тени, которыми полны высокоствольные леса. И это бесконечные цепи мрачных криков, кусающих друг друга; носятся из чащи в чащу, по пустым тропинкам, длинным кулуарам монотонных рыданий и человеческих жалоб...

О, лишь бы это не был крик безмерного отчаяния, подобный тому, какой испускает еврейский квартал, обвитый внезапной паникой во время арабского восстания!..

Ну, вот еще! Я доверяю нашим часовым, которые бодрствуют, со штыками наперевес, на низких сообщающихся террасах Триполи, вокруг задыхающейся мельницы, колоссальных легких города, красные окна которого как будто пробиты шрапнелью.

Свежая заря необъяснимо опьяняет своей белизной пальмовый лес. Я узнаю рефлектор крейсера «Сицилия», чей грандиозный сноп обливает дружеской нежностью суровые траншеи.

Мы все смочены сверхъестественным светом, среди груд, лавин разбитых горшков и камней, которые без конца кидают нам крики голосащих собак.

Скверные, запыхавшиеся певцы. Тревожная репетиция оперы в кишасщем полумраке большого театра, разрезанного надвое длинной полосой электрического света.

Внезапно, для того, чтобы заглушить ослепительный голос всех звезд и подземное крещендо оркестра, ослепительный свет рефлектора бросается к зениту, разбивается на два обломка распыленного серебра, второй из которых спускается там, осыпается там, там в глубине декораций горизонта, во вражеском лагере.

– Черт возьми, оптический обман! У турок нет рефлекторов!

Савино все-таки стал около меня:

– Фазуло! Живо мой бинокль!.. Моряки, к своим пушкам! Зарядите первую и вторую!

Потом, повернувшись ко мне:

– Вы видите, на дюнах, против нас... эти три красные огня... Большие фонари. Так они говорят с арабами города... Но мы не видим отсюда минаретов. Завтра у нас будет что-то серьезное... На левом фланге, вот вы увидите! Двойная атака, что ли? Спереди и сзади? Слушайте эту дробь барабанов... Можно различить рожки и дудки... Это их сигнал к соединению... Фонари потухли! Турки очень остерегаются атаковать ночью... Пойдемте спать. Главный канонир, Сеттер, вы разбудите меня при малейшей тревоге!

В палатке командира Савино, лежа друг возле друга, на жесткой циновке, в палатке, где потрескивают капли воска кривой свечки, мы болтаем за последней папироской.

– Вы слышите?.. Петухи сменяют хромоногих собак!

– Проклятый шум! Глупое надрывание! Это начинается каждую ночь, ровно в час!

– Эти африканские петухи великолепны! Я предложу вам завтра одного из них на завтрак, – заканчивает Савино, погружаясь в песок сна.

3. Битва.

Кро! Крокро! Кро! Кро! Крокро! Может быть, долго, а может быть, всего четверть часа мне снилось, что я очутился на берегу, среди карканья стаи влюбленных жаб?.. Проснулся ли я после такой усталости?.. О, да! То, что я слышу, это шум далекой перестрелки... Савино уже нет возле меня. Исчез. В открытую дверь, черный четырехугольник бледнеющей снаружи ночи врывается треск битвы, уже более близкой, который растет, поднимается и будит меня.

Слева от меня, за стеной палатки, ужасный треск всех ружей, всех орудий из траншеи.

Грубый голос кричит:

– Огонь! Огонь!

Гигантская машина для сшивания горизонта. Машина, которая протыкает в разъяренных толчках своими блестящими иглами грубую материю темноты! Запальчивые образы, сотни впечатлений, все в три секунды...

Я выхожу из палатки. Оливковые деревья роняют, словно слезы, свои плоды мне на голову... Однако, ничего не видно из этой битвы? Вокруг меня, во мраке, повсюду, везде задышающаяся, остервенелая, полная тоски работа многочисленных трудящихся рук, которые заставляют трещать дерево и сталь на помосте, высящемся безмерно везде и всюду.

О, как это красиво! Какое счастье! Безумная радость сжимает мне горло. Я чувствую, я чувствую в себе, что все бесконечное, все загадочно-таинственное вновь превзойдено!.. К чертям осторожность!.. Спрятаться за ствол пальмы – это годится только для того, чтобы угадывать свою участь по щелканью смертельной судьбы о кору. С того момента, как у меня в руке только револьвер, я довольствуюсь тем, что контролирую и проверяю знаменитые изображения военной литературы.

Да, пули мячат, но только в том случае, если они натываются на какое-нибудь препятствие. Когда они уходят, вращаясь вокруг себя самих, оглядываясь на все то, что они

еще не продырявили, делая с досады прыжки и плача, как заброшенные кошки. Обыкновенно, у пуль насмешливый и ленивый свист, как у мальчишек, идущих из школы...

Но где же неприятель? Вот!.. Вот!.. Эти миллионы свечей, колеблемых и задуваемых сумасшедшим ветром, который вновь зажигает их, это и есть турецкие или арабские батальоны в рассыпном строю; это и есть те, чьи маузеры выплывают короткие огни в нашу сторону.

– Стреляйте ниже! Выбирайте мишенью пламя свечи!

Один солдат зубоскалит:

– Вон моя свечка! Вы увидите, как я ее задую!

Вдруг митральеза бросается в работу, со своим тоскливым шумом неистового молота, спешащего, торопящегося все более и более, спешащего пройти насквозь и продырявить отвратительную, еще прикрытую дверь ночи.

Я иду к ней, как к элегантной и роковой женщине, чьи мудрые, точные и убийственные взгляды стоят смерти храброго... Она наклонена вперед; у нее силуэт женщины с гибким станом, окутанной черным бархатом и убранной, изукрашенной развевающимся поясом зарядов. В ее черных волосах или, скорее, между ее свирепыми, кровожадными зубами распускается и цветет горизонтально, сплошным, непрерывным порывом, бешеная, как самый безумный и самый страстный цветок в мире, белая орхидея ее жестокого, пылкого, сильного огня.

Ну да, миленькая митральеза, вы – очаровательная женщина, и зловещая, и божественная, с маховым колесом невидимой столошадной силы, которая фыркает и ржет от нетерпения... И скоро вы будете скакать в окружности смерти к крушению или к победе!.. Не желаете ли вы мадригалов, полных красочности и грации? На ваше усмотрение, сударыня! Я нахожу вас похожей также на жестикулирующего трибуна, поражающего неумолимо-красноречивым языком сердце растроганного кружка слушателей. В этот момент вы всемогущий бурав, кругообразно просверливающий слишком прочный череп ночи. Вы также стальная плющильная машина, электрическая башня, и... что же еще?.. большая паяльная труба, сжигающая, высекающая и

расплавляющая понемногу металлические острия последних звезд.

– Она начинает пылать! – сказал мне спокойный офицер, управляющий ею.

– От страсти, конечно!

– Надо давать малютке время от времени попить! – добавляет сержант, который, не торопясь, смачивает румяные губы митральезы из маленькой кружки.

Четверть шестого.

Я касаюсь локтями края траншеи, облакачиваюсь на нее, открывая летящему резаку вражеской стрельбы только свою голову...

Траншея, как будто и в самом деле, двинулась вперед жестокими толчками и шумными трясками.

Выстрелы, это, быть может, – звонкое ляганье, которое потемки, эти упрямые клячи, швыряют, когда наши ружья, остервенев и озверев, укалывают их тайными шипами.

Эти брыканья, все более и более запыленные, затуманиваются, потому что заря всходит там, налево, у Таджюра, и мои глаза начинают различать голубеющую тесьму волнистой пустыни. Она, эта тесьма, завивается светлой пылью, как будто под невидимыми щелчками.

Я слышу, как Савино кричит сзади:

– Скорей! Сигналы эскадре!.. Три выстрела!.. Вот револьвер с ракетами! Переместите эти две пушки!.. Сначала надо убрать шрапнели! Ну же, сильнее, ребята! Наведите первую налево, через траншею! На это черное пятно, перед виллой Джамиль-бея! Прицел на восемьсот метров!..

И его взрывчатые ругательства отсчитывают скрежет маленькой морской пушки, которою управляют с веселой ловкостью школьников на свободе. Это пушка-игрушка или скорее сам ребенок, ребенок-чудо, который скоро начнет декламировать свои стихи наизусть и которого почти на руках несут к аплодисментам восторженных пуль.

У ребенка-пушки, право же, легкие тенора. Стучат ногами, когда его сияющая рука опустошает полутьму, освещая позади себя неподвижный силуэт полковника Спинелли,

который ждет с решительным лицом, с проворным и напряженным телом.

Он наводит свой бинокль, диктуя свои наблюдения майору Пизани, который на коленях, наклонясь над коробкой полевого телефона, разговаривает с кавалерийским генеральным штабом:

– Их много, очень много. Спереди, по крайней мере, шесть тысяч человек, все почти арабы... В трехстах и в двухстах метрах от нашего фронта... Тактика европейская, рассыпной строй, приближаются перебежками... Пользуются малейшим прикрытием... Я вижу на расстоянии тысячи метров огромные массы, которые приближаются, занимая пространство трех километров. Налево, вдоль зазубрины дюны, тысяча всадников. В общем, приблизительно, восемнадцать тысяч человек, из которых четыре тысячи как раз атакуют фронт моего полка. У меня только четыре тысячи человек. Моя седьмая рота не может дольше удерживать виллу Джамильбея. Я поджидаю еще батарею двадцать первой, но я уже отправил роту саперов и эскадрон Лоди, чтобы подкрепить центр.

Я поворачиваюсь спиной к пулям, чтобы видеть, как проходит рота саперов, которая бросается беглым шагом, со штыками наперевес, вдоль траншей, в середину битвы.

4. Лейтенант Франкини.

Я увлечен этим человеческим потоком.

Но он останавливается и принужден топтаться на месте перед шестой ротой восемьдесят четвертого полка, которая перерезывает ему дорогу и занимает голову этой громадной контратаки. Я пробираюсь вместе с этими людьми вперед.

О! Какая мучительная тоска охватила почти всех нас, когда мы растаптывали в этой ужасной толчее, против нашей воли, пятерых из нас, упавших на землю!

Как остановиться, чтобы подобрать их? Кто мог бы послушаться этого раздирающего сердце голоса, дикого и хриплого голоса лейтенанта Франкини?

С непокрытой головой, растрепанный, с взбитыми волосами, с завывающим ртом, он бежал впереди своей колонны, подымая высоко-высоко, страшно высоко острую шпагу, чтобы блеск и сверк гипнотизировали глаза всех его солдат и были видны всюду и везде, до последних рядов.

– Смелей, братцы! Нагнуть голову! К этим оливковым деревьям, туда!.. А, черт!.. Эти каналы вошли!.. Я не буду Франкини, если я не отберу через четверть часа эту виллу обратно!.. Стой!.. Ложись! Каждый за дерево!.. Трое сюда, за этот ствол!.. Один стой!.. Цельтесь в открытую дверь и в левое окно!.. Боевые запасы – сюда!.. Те, кто расстрелял все патроны, назад! Выбирайте себе человека!.. Цельтесь ниже!

Теперь он говорит спокойно, самым веселым и хладнокровным голосом, стоя на ветках низких оливковых деревьев. Живые и насмешливые пули, казалось, комкали и ударяли по куче шелковистых материй на голове лейтенанта.

Временами он издевался:

– Не смотрите ни на мертвых, ни на раненых! Тем, кто падает, в конце концов, не приходится стоять!..

Когда он выкрикивал эту фразу, один солдат тяжело упал на руки Франкини с головой, рассеченной, как арбуз.

Франкини положил убитого солдата на землю, взял его ружье и начал стрелять.

Пять выстрелов, пять упавших, сраженных врагов.

Это был матч. Солдаты, забывая про возможную смерть и про опасность, одобряли чудесного стрелка.

Нарочный спрыгнул с лошади сзади нас:

– Полковник Спинелли приказывает лейтенанту Франкини заходить плечом. Ось – кавалерийские казармы, цель – вилла Джамиль-бея. Вы на правом краю фронта, образованном полувзводом митральез, двумя эскадронами спешившихся всадников, с капитанами Гандольфо и Ландолина, батальоном саперов, батальоном восемьдесят второго полка, с капитанами Фабрини и Куссино.

О! Я никогда не забуду ласкового и тихого голоса, каким лейтенант Франкини предложил своим солдатам умереть:

– Идемте, братцы! Наконец-то мы, как следует, позабавимся!

Чтобы посмотреть сверху на огромное заходное движение, которое должно было выместить арабов из траншей и вновь отбить виллу Джамиль-бея, я нагнал на одном из холмов майора Пизани. Я видел своими собственными глазами, как лейтенант Франкини шел среди своих солдат, заложив руки в карманы, неся за спиной свой, вероятно, разбитый снарядом, карабин. И вот так-то, через пять минут, он вошел первый в потушенную наконец дверь трагической виллы Джамиль-бея.

5. Карамболи Скарпетты.

А между тем, сзади меня, майор Пизани кричал свои приказания:

– Отведите направо и налево эти два взвода! Нужно освободить траншею, чтобы дать место батарее!..

Как тяжелая бронзовая блевота, с громким шумом колес и разъяренных гневных голосов, под щелканьем остервенелых кнутов, батарея вышла из тропинки, усаженной колючими кактусами, которые примешивали свои могучие и сильные растительные судороги к волнистому валу лошадей.

Длинные, монументальные лошади с широкой грудью, с квадратным крупом и с прекрасными глазами сицилианок, вы вдыхали в это утро опьянение ломбардского сена, и ваше гордое, сардинское ржание силилось без сомнения крикнуть великое слово:

– Италия! Италия!

Я обожал вас, в вашем диком порыве, в то время, как под хлещущим гневом артиллеристов вы яростно как будто метали гарпун в глубину песков, ища утеса, чтобы

взобраться и поднять на откос траншеи красноречивый рот битвенных ораторов.

Вот это ораторы, вот это настоящие речи! Кровью, а не словами, кровью обильно поливает землю тело убитого артиллериста и дает боевое крещение первой пушке, с вытянутой шеей, наведенной на неприятеля, который находится в ста метрах.

Прекрасное плотоядное животное управляется, по-видимому, самым великолепным укротителем. Это лейтенант Скарпетта. Гибкая, стройная и мускулистая фигура. Уверенным и свободным жестом Скарпетта наводит пушку.

– Вы перестанете у меня копошиться, как гады!.. Трубку на ноль! Я вас угощу картечью!

С наклонившимся телом, нагнув голову вровень с краем пушки, он наводит орудие, потом отделяется от лафета, выпрямляется с развязностью и непринужденной осанкой бильярдного игрока, желающего посмотреть на свой удар.

– Огонь! Готово! Ну-ка, приналягте сильнее, ребята! Проклятая скотина! это животное зарывается в песок при каждом отступлении!

Вот каким образом лейтенант Скарпетта, карамболируя десять раз кряду катящиеся, надвигающиеся, близящиеся массы неприятельских рядов, позволил битве перевести дыхание и отдохнуть.

Вне траншей, за приливом и отливом арабских масс, белеющей океан пустыни кипел под ливнем наших пуль, словно просеваемых сквозь огромное сито.

Огромный котел с неизмеримым варевом; безумное ныряние жаб... Шрапнели Скарпетты, поставленные на удар, прыгали рикошетами, как плоские камни, растрепывая розовые и позолоченные локоны песков.

За тысячу метров от меня, вдоль зубчатой дюны, двигалась пестрая масса выгнутых круп и грив, вся испещренная черными фесками. Моментами ее можно было принять за грабеж большого склада разноцветных шелковых тканей.

Поразительная, изумительная прозрачность атмосферы позволяла мне видеть, как на горизонте рыжеватая волнистость пустыни покрывалась серыми язвами и длинными

колоннами черноватых насекомых, спокойные движения которых поражали и изумляли рядом с ужасным, колеблющимся волнением шрапнелей.

Эти последние разрывались во множестве, в бесконечном количестве, в небесной лазури; о, клоуны, одетые в серебро, клоуны, открывающие свои объятия и прорывающие без усталости и без передышки обручи дыма, один за другим, в этом звучном цирке!

Однако, тем временем солнце, еще невидимое на высоком плоскогории Гебея, кинуло свои первые лучи, два: из голубого и фиолетового золота, – на крышу смолистых облаков.

Оба луча, мягко склонясь, нежно опустились. За ними последовали другие, скользя, как нежные змеи, змеи из хризолита, на зернистую гущу арабов, с холма на холм.

Эти гибкие и пышные лучи мало-помалу становились музыкальными струнами свежей атмосферы и уже звенели и звучали под торопливым, поспешным пиччикато пуль.

Кто же, о, кто же так хорошо настраивал грубые шумы и взрывы сражения, кто соединил их с раздражающими и сладкими воркованиями африканских горлиц?

Огромная симфония переходила из минорного тона ночных ветерков в мажорное церковное пение пушек, которые вдруг, казалось, изрыгали и выплевывали солнце.

Когда я инстинктивно поднимал голову, я слышал, конечно, пули, но пули влюбленные, чье идиллическое щебетание примешивалось к чириканью воробьев на ветках. Никогда мое ухо не было более счастливым и внимательным, чем теперь, когда мне приходилось отличать настоящих птиц от иллюзорных.

Они щебетали взапуски на громком басы пушек. Небужданная пальба или приступ ястребов, которые дырявят ударами своих клювов дрожащую кору пальм?..

Не видя, мы мрачно чувствовали, как над нами и через нас, сильно задыхаясь, перелетали турецкие шрапнели. Наши глаза напрасно искали стальных мошек, которые оглушали нас своим жужжанием.

Сомнительное дыхание акаций окуривало битву. Душистые грезы фруктовых садов, которые спали там, у Триполи, счастливые тем, что зелены, сыры, жирны и теплы: эти сады отстраняют усталым жестом раздражающие пули мягкой мухоголкой своих пальм.

6. Великая симфония гранат.

Тем временем солнце грызло во всю мочь вкусное и лакомое тело ярко-красных облаков, кости которых рассыпались на шафрановом Гебеле.

Наконец, вся заря вспыхнула, как гигантская пороховница, застыв в своем пестром, многоцветном взрыве, со своими меловыми осколками, со своими кровавыми глыбами, с багряными обломками стен; и все это – инкрустирование в вибрирующей атмосфере. И битва приветствовала зарю, грозно и мощно возвысив грандиозный голос своей полифонии.

Это был железный ураган. Множество циклонов прошло по пустыне. Небо покрылось чешуей, складками огней; небо четвертовано и разорвано миллионом молний и громов. Бесчисленные явления сияющих святых, вспыхнувших в своих внезапных ореолах!..

Это все батареи невидимой «Сицилии», без сомнения, качающейся перед зыбким пляжем Гаргареша, бросая через все мельницы на неприятельскую армию бесчисленные шляпы возбуждающего и зажигающего безумия.

Смотрите, вот одна из этих гранат! Слышите ли вы ее гибкие, звонкие скольжения в атмосфере? Она падает... с большой высоты, как тысячелетний баобаб, с лавиной всех своих железных плодов, трещащих на лишком соке огня. Тут была желтая масса кавалерии. И ничего нет... Нет, смотрите, ее профиль моллюска выходит, выползает... Он лихорадочно рождает разъяренных змей. Тысяча черных клубков, бахромы и лианы жестов и криков... Под этой второй гранатой, Боже мой! какой вулкан! Это революция песков, кото-

рые восстали, образуя эбеновую колонну с вращающейся капителью. Но и она падает, но и она рушится в засаду сжатых и торопливых шрапнелей, которые взнуздывают свои красные удары кулаков... Куда исчезла масса пехоты цвета хаки? По крайней мере, больше тысячи человек! Двадцатая граната. Еще две! Вы их считаете?.. А эта?.. Еще! Еще!!! О, какая радость! Песок, страшно взрытый, выпрямляется, вскакивает, раздувая колоссальную наготу женщины; ее разорвавшиеся и лопнувшие груди, полные смолы, прикрыты веселящейся прической огня, который не успокаивается ни на минуту.

Что случилось с турецкими кавалеристами, которые копошились вдоль зазубрины дюны? Эта граната смешнее других! Она внезапно обрушивается гремящими скачками, в сопровождении длинной свиты квадратных, вялых, дряблых, обрюзглых, круглых, продолговатых и плоских звуков!

На этот раз огромное импровизированное тело из песка выставляет напоказ под открытым небом свой более человеческий профиль. Его толстые и черные губы текут, как лакрица, дымом, и ее пространный живот выделяет торжественный танец...

Митральезы! Прекрасные митральезы!.. Аккомпанируйте же вашими опьяняющими кастаньетами поднявшимся пескам, этим бешеным, неистовым балеринам пустыни и их танцу живота! Балерины! Вас возбуждают пушки, которые аплодируют вам своими тяжелыми железными руками.

Гордые гранаты «Сицилии»!.. Я думаю о победном торжественном опьянении, которое заставляет сиять ваши заостренные лица и ваши цилиндрические фигуры в безумных параболах! Я думаю о вашем ворчливом, шумном и раскатистом опьянении! О, могущественные, разъяренные ноты, которые вы кидаете в длинные горизонтальные трубы атмосферного органа!

Буйные, неугомонные, наглые, бесчисленные, вы падаете вместе, образуя обширные аккорды и иногда арпеджио страха и ужаса.

Я вам завидую, я вам завидую, танцующие безумные гранаты!.. О, почему я не с вами?.. Почему я не одна из

вас?.. О, как сладко должно быть заставить прыгнуть таким образом бесчисленные осколки своего металлического тела в глаза, в нос, в страшно открытый живот своих врагов!

Потому что я страшно молод, молод, как и вы, и полон подавленной и замкнутой свирепости и силы. Мне нужно, мне необходимо, чтобы я грубо, резко и неожиданно расширил стенки моего тела!.. Нет, нет! Гораздо большего!.. О! Пусть моя голова прыгнет, как взорванная ракета, к бесконечности!

Как вы, как вы, я хочу, я должен, я надеюсь взорваться снизу вверх, направо и налево, в компактном ядре гнусных толп!

О, мой отец! Ты, который так хорошо зарядил меня свирепым героизмом и безрассудной смелостью, скажи мне: что хочешь ты назначить мне? на что обрекаешь ты меня?.. Каков ряд зловонных физиономий, которых я обрызгаю своими костями, взорвавшимися, как осколки гранаты, хлещущими ремнями зажигательной возбужденной плоти и порохом моего сердца, которому везде хорошо!..

Я их знаю, я их знаю, я им кричу:

– До свидания! До скорого свидания!

Гранаты, гранаты и шрапнели, не хочешь ли? Вот тебе! Сколько угодно, до расточительности... Небесная лазурь, вся жеваная и пережеванная острыми и тонкими зубами огня... Вот когда массы неприятельской армии не могут больше противиться этим вертящимся венкам с взрывчатыми шипами... И начинается бегство.

Кавалеристы Фецдана, нашпигованные картечью, пригибают к лошадиным шеям свои бронзовые, черноватые, грязные и полуоторванные головы.

Они, вероятно, принимали ускоренную пляску наших гранат за колоссальные копыта Магометова коня!.. Разве они не чувствовали уже, как падает и валится на них огромный и истребляющий песочный плащ пламенного пророка? Напрасно они мнут своими широкими, квадратными стремянами открытые бока худых и выпотрошенных, изнуренных лошадей, которые еще пытаются яростно

тащить героическими скачками по окровавленному песку свои тяжелые, висящие кишки, как пурпурную попону.

Вот они все исчезли. Потом медленно, между колеблемыми волнами пламени и дыма, я вижу, как возникают и выходят, выныривают обломки эскадрона, раскрошенные кусочки, кишащая добыча, раскачиваемая ветром ужаса. Это кипение бесформенное и неуклюжее, кипение крупов, дикая случка животных и волчки тысячи человеческих тел, которым вертящиеся хвосты и гривы лошадей придают смешной вид беснующихся дервишей.

Граната падает среди них, как в громадную лужу, откуда скачут во все стороны беглецы, летят безумные брызги грязи, а на небе в это время всплывает и долго стоит, упорствуя, нежный венчик дыма, розовые лепестки которого мало-помалу блекнут и бледнеют.

Я слежу глазами за одним беглецом, который вскакивает на лошадь и мчится галопом метров сто... Он вышиблен из седла и исчезает под кривыми колесами трех шрапнелей. Эта группа всадников погружается теперь в смрад и зловоние гранат... Невозможно выбирать дорогу в общем взрыве грохочущей атмосферы, которая всюду трещит, везде плюет, повсюду изрыгает, пьет и вновь изрыгает огонь!..

Они несутся в галопе, в сумасшедшем галопе, в красном ветре, сваленном, сотканном и набитом пулями, пронзенном насквозь осколками гранат и беспрестанно замеченном летающими трапециями пламени-гимнаста. Смерть воздвигает всюду вокруг них решетки и заборы из молний.

Те, которые падают, словно бьются на дьявольских скорородах. Попробуйте избежать, если сможете, этих веялок жара, колеблемых истерическими руками!..

Вот кавалерист взрывается и отлетает далеко от лошади, отскакивает, подобно тому, как револьвер выскакивает из руки. Возле него дымится холм, как крышка котла. Двадцать лошадей без всадников проносятся по нему, также скошенные, затем изрыгнутые вулканическими песками под открытое небо.

– Победа! Победа!..

Это вся траншея конвульсивно размахивает руками и раздражает атмосферу радостным воем, глядя издали на грандиозное бегство, драпирующее своими длинными и беспорядочными складками охряную бесконечность пустыни. Вся пустыня – сплошной бред, неистовство, наступление паники и бегства. Зернистые массы испуганных насекомых, спешащих один за другим, без конца, к гибкой арке горизонта, арке освободительного цвета.

Это уже не ливень, а поток свинца, поток итальянской силы, которая входит и потрошит, распарывает брюхо всему и везде.

Бежать! Бежать! Тщетная надежда избегнуть подавляющей силы Смерти, которая выверяет выстрелы, стоя в вертящемся каземате «Сицилии»; Смерть, молодой офицер с стальными руками, медным лицом, на котором вместо глаз две электрические кнопки; две пирамиды ядер вместо легких.

Под его необъятным взором всякая долина, каждый овраг, каждая тропинка перестает быть прикрытием.

Однако, стая гранат потеряла след бегущего неприятеля. Праздные гранаты, бесполезные удары клыков!.. К счастью, вот, вот, в трехстах метрах над моей головой, вырастает храп моноплана, новый воздушный барабан битвы. Выше, краше солнца устремляется капитан Пиацца, со смелым и острым лицом, вычеканенным ветром, с маленькими усиками безумными от воли!..

Его большой властительный Блерио грубо разрезает двумя сверкающими косами своих горизонтальных крыльев большие лучи стоящего огромно и громоздко солнечного ореола.

Вот он уже возвышается над кавалерией, обратившейся в бегство. Дальше, еще дальше летит он, поворачивая направо, к Гаргарешу.

«Сицилия» уже поняла и устанавливает свои выстрелы. Гранаты кидаются толпой, как на веселое свидание, за рекой беглецов.

О, какую адскую радость должна была испытывать ты, «Сицилия», в это блаженное и славное утро, делая на славу

свинцовые круги в текущей потоками воде неприятельской армии!..

Тяжелые плевки огня обрушивались, благодаря тебе, то там, то здесь, на громадную, огромную дугу бегства, которая, начиная от Сиди-Мессри, переломлялась малопомалу направо, к невидимому оазису Занзура.

Я присоединяюсь к тебе, я догоняю тебя в чистом небе. Мое сердце уже прыгнуло к твоему. Оно бьется, как и твое, у руля направления.

7. Пицца летел и пел.

«Слава вам, солдаты 84-го полка! Слава салу, которое топится между ложем и сталью ваших ружей! Слава вам, артиллеристы 21-го полка! Слава морякам Бумелианы! Я – рыкающее сердце родины, безумные биения которого аплодируют вам. Я перешагнул через вас, чтобы пойти дальше, заканчивая победу, поднимаясь ступень за ступенью по всей небесной лестнице».

Что с того, что беспорядочный полет гранат крадет и отнимает иногда воздушный пол из-под моих ног! Не дрожите, не бойтесь, если меня встряхнет. Я иногда люблю подпрыгнуть, как телега, в небесной колее. Мои большие французские крылья живо восстанавливают свое равновесие... Я лечу верхом на неоседланной битве, которая несется галопом, закусив удила... Я уцепился за ее гриву, живую гриву неистовых и яростных криков. Bravo, Скарпетта!.. Я слышу, как ты ругаешься, карамболируя красными шарами своих шрапнелей этот огромный шар человечества, возвращающийся к приступу на песчаном ковре.

Великолепное урчание, трепетанье белья, бьющего, как пенистый прибор...

Наверх всплывает зеленый флаг. Кто им машет? Это один из наших!.. Эй, нет ли ядра, чтобы согнать с места этого черного кавалериста, который тащит на веревке за ноги труп, как кровавую борону?..

Ведь это труп кого-то важного, капитана или скорее генерала-аншефа; они завоевали его тремя приступами, ценою своего флага!

О, генерал-аншеф турецкой армии! Я вижу, как твой план кампании рассыпается вместе с твоим мозгом при сильных толчках песчаных кочек!

Выгнав из деревень Тархуна, Мисрата и Таджюра шестнадцать тысяч арабов, ты прошел по дороге Азизии, чтобы выстроить их эшелонами за две тысячи метров от наших ружей, перед траншеями Джамиль-бея и Сиди-Мессри.

Потом ты бросил тысячу человек в Менсию, против полка берсальеров, более грозных, чем когда-либо, стоящих наготове, еще плавающих, так как они только что вышли, как лава, из засады Шара-Шат, этого вулкана. В то же время ты толкал ногами, ложью и кнутом пятьсот голодных арабов в самую низкую и наименее защищенную траншею, около виллы Джамиль-бея.

Триполийские арабы, уведомленные ночью при помощи сигнальных больших фонарей, атаковали в тыл роту капитана Омбера, который, застигнутый двумя волнами, потух, как маяк, обогрив своими кровавыми доблестями последний мрак ночи.

Конечно, ты думал, что раз будет пробита брешь и завоевана вилла, тебе станет легко бросить, как стремительный поток, всю твою армию по дороге к кавалерийским казармам, которые не больше, чем в двух километрах по прямой линии от сердца Триполи.

Вот почему полчища твоих кавалеристов ждали в тысяче метрах от траншей... Но ты слишком полагался на эту ватагу голодных арабов, из которых самые отчаянные, забыв твой план, приняли ямы наших траншей за лавки, торгующие свиной, и там наши штыки проткнули им животы, и они остались навеки со ртами, набитыми сыром, украденным из ранцев наших солдат.

Ты сам был виноват, что еще больше понадеялся на свои три тысячи турецких солдат и на свои лукавые, коварные батареи, которые по недостатку голода или смелости, я не

знаю наверное, оставались благополучно на горизонте, чтобы энергично встать потом во главе бегства.

Ты видишь: не турок, а дикий кавалерист Феццана повлек тебя сзади себя!.. Я тебя преследую во всю прыть, как остервенелый кондор.

Я чувствую под собой гранаты, которые беспрестанно сжимают и стискивают атмосферу своими грозными объятьями, неодолимым чавканьем своих бронзовых челюстей.

Эта воровская банда удирает, удваивая скорость и, выискивая складки земли, перерезывает дорогу кавалеристу, влекущему тебя за собой.

Он останавливается. Вот твои ноги запутались в ногах лошади, которая брыкает гроздь твоего сорванного, как виноградная ветка, тела!..

Граната с хвостом своих неистовых, яростных звуков поражает ее, – и ты катишься снова, с утраченными и мертвыми руками, оторванными потоком паники... Прощай!

Я вижу, как быстрые негры сваливают, перешагивают и топчут ногами слабых и умирающих, этот ярко-красный матрац... Я возвышаюсь над группой раненых, которые лежат на своем мучительном пути, потом начинают карабкаться на одну из дюн, медленно, с бесконечным трудом.

Я не могу судить об ее высоте, потому что пустыня кажется все более плоской по мере того, как я поднимаюсь в открытом небе. Может быть, они просто хотят посмотреть на битву перед смертью.

Застоявшийся водопад отдаленных беглецов, все-таки медленно текущий по заливу холмов, по краю горизонта. Еще дальше: желтоватые массы спускающиеся друг на друга, будто облака, при грозном и бурном закате... А, вот и ты, наконец, там, на первых горах Гебея, ты, самая осторожная из турецких батарей!..

Берегись! «Сицилия» наводит выстрелы на твои внезапные, вспыхивающие пламенем сверкания, которые обозначают, по крайней мере, девять километров расстояния... Действительно, вот ее гранаты! Три гранаты калибра 152, из которых каждая весит пятьдесят кило!.. Страшный шум...

Офицер, взмолившийся на перекладину, бормочет, вероятно, как и я: «Во всю!»

Большое облако мела... Пушки и фуры, все взорвалось!.. Извержение... Офицеры, наклонившись над телеметром, прибавляют тихо: «Добрый вечер!»

Арабы и турки бегут повсюду, как стада красного зверя, когда их преследует галопирующий степной пожар. Все хрипит и трещит на пути гранат. Они обрушиваются, как хоботы невидимых слонов и, с длинными и протяжными криками, вскапывают землю.

Эти беглецы, которые окапываются в углублениях почвы... А этот? Проглочен этой дырой! Слишком поздно! Ядра обнаружили и вскрыли ваши убежища! Вы вновь принуждены брызнуть, кровавые ручьи!

Внезапно колонна турецких регулярных войск вытягивает фронт, вся желтая, между двумя более светлыми дюнами, за тысячью метров перед Бумелианой. Случай или тайная тактика! Колонна поворачивает налево, по направлению к нашим траншеям. Зигзаги углубленной дороги заставляют ее идти медленными крюками.

Браво, браво!.. Слава вам, прекрасные пехотинцы 40-го! Я вижу, как вы подвигаетесь в три линии, беглым шагом, вибрирующие, серые силуэты, легкие и отчетливые на золотом песке!

Вы вовремя перерезываете им дорогу... Браво!.. Браво!.. Мой мотор аплодирует вам и поднимается над вами в то время, как вы проворно карабкаетесь на дюны, гребень которых усеян головами и взрывчатыми щупальцами.

Другие пехотинцы следуют за вами; они быстро спускаются по склону, обходя дюны. Неприятель, пойманный спереди и с флангов, сейчас же идет назад, раздвигаясь вокруг песчаного острова.

Заряжайте!.. Отомкните штыки!.. Пли!.. Изрешетить их! Похороните под лавиной ваших пуль эти два пенистых потока, эти человеческие водопады, этот водоворот бегущих силуэтов.

8. Победа земледельческих гранат.

Готово. Мое сердце вне себя от радостного энтузиазма и увлекает мой мотор все выше и выше, беря приступом переломы лазури. Восхитительно свежеет. Необъятность пустыни в восьмистах метрах под моими ногами кажется мне абсолютно плоской и пустой. Я поворачиваю круто-круто к Триполи, кажущемуся издали большой шахматной доской из слоновой кости...

Я пролетаю над траншеями форта Султании, этими деловыми муравейниками. Я оставляю налево «Сицилию», огромную сигару, которую толстые губы моря курят теперь вволю..

Я не различаю больше линии горизонта. Небо, которое закругляется, сливается с коробящимся морем. Я лечу к центру необозримой атмосферы, отливающей синим, зеленым и белым.

Ты снова предо мною, прекрасный город Триполи, который растет на моих глазах!.. Могучий аппетит, даваемый победой, странно окрашивает мои глаза, так что я даже ныряю, чтобы вольней вдыхать фиолетовую щелочь и привлекательную белизну террас, курящихся труб, твои дома, опыленные розовым сахаром, и твои квадратные мечети с фисташковыми минаретами!..

Я пролетаю над городом, поворачивая все направо, через гавань, где мачты – лес спутанных ветвей, разворачивают свои знамена.

Я созерцаю одно мгновение десант войск, производимый транспортными судами, хронометрическое течение которого наполняет понтоны и казармы, как сообщающиеся сосуды.

Мрачный шум кеглей увлекает меня на дорогу Энни. Шум ружейной пальбы и громкая игра ядер и сталкивающихся черепов. Это замечательный батальон Леоне, 63-го, возобновляет свою ужасную ежедневную охоту на тигра оазиса!.. Привет вам, пылкий майор Бианкулли, капитан Виджевано, капитан Галлиани!.. Привет тебе, лейтенант Вичинанца, герой с каучуковым телом, с глазами неаполитанского маль-

чишки! Какая радость видеть, как ты, в пятидесяти метрах подо мной, бежишь по пастбищам с удивительной скоростью! Бежишь по этому тенистому огороду, под этим шелковичным деревом, между щелчками и запутанными колючками кактусов, внезапно расцветающим снарядами. Ваши пули едва предшествуют вашему беглому шагу, пули живые, скрытые, притаившиеся и точные, которые отыскивают араба, изменнического и плотоядного, в чаще, между колесами телег, на дне колодца.

Надо овладеть этим домом во что бы то ни стало!... Стреляйте в это беспрестанно вспыхивающее окно, чтобы оно наконец замолчало! Десять, двадцать выстрелов!.. И солдаты поют, заряжая свои ружья:

Di' biondina, lo vorresti mai
Quell'uccellin, lin, lin, lin,
Quell'uccellin, lin, lin, lin...

Один из них падает на землю... Что с того?.. Другие подхватывают хором:

Di' biondina, lo vorresti mai
Quell'uccellin, lin, lin, lin,
Per far l'amor?..

О, глубокие дороги оазиса, где размножается смерть! Дороги, вырытые, без сомнения, стадами задорных животных кошачьей породы! Глубокие дороги оазиса, глубокие стоки войны, с вашими шипящими побегам!.. О! Как завидую я ста тысячам итальянцев, которые, в хорошей амуниции, сытые и отлично вооруженные, смогли в двадцать лет окунуть свое сердце и ум в ваш, дороги, терпкий и голубой запах опасности и героических приключений! Экзальтирующая интимность пуль, учительниц и отличных наставниц, которые говорят вам на ухо, мимоходом, и как будто поворачивают направо и налево, следуя по кулуарам глубоких дорог, между стенами бледно-розовой грязи, поджаренной солнцем и с потолком из листьев!

Как приятно почувствовать себя в нарезном дуле чудовищного ружья, быть одновременно и пулей и мишенью!

Наконец, наконец, я с радостью делаю планирующий спуск, легкий и крутой, перед виллой Джамиль-бея, чтобы поцеловать кровавый рот солдата, который сжимает в своих руках раскаленное ружье, подобно тому, как мать сжимает свое бредящее дитя... Артиллерист тяжело двигается вперед по песку, запекшемуся от крови и грязи. Смеясь своими голубыми глазами, этот артиллерист мучительно бормочет разорванными челюстями:

– Восемь! Я их убил восемь!..

Но ничто не сравнится с эпической великолепной пышностью лейтенанта, который, с ртом, заклепанным окровавленным бельем, поднимает каждую минуту ко мне обе руки, чтобы показать, что он убил десятых! Он показывает это число своими растопыренными пальцами...

О, как я завидую бешеному великолепию ваших трупов, вылепленных, изваянных битвой, Гранафеи, Солароли, павшие, как два солнца, под солнцем, но более ослепительные, чем оно!..

Вы ослепляете меня вашими кровавыми лучами, пыльные, буйные и разъяренные трупы капитана Фантини, лейтенанта Беллини и лейтенанта Орси, лежащие один около другого, опираясь головами на старую арабскую телегу.

Гордитесь тем, что служите подушкой этим героям, кровавые телеги с маленьким деревянным сошником, связанным грубыми лианами, и восхищайтесь наконец силой наших огромных земледельческих гранат, которые в первый раз обработали вашу плодоносную землю, утряхом усыпанную песком. Уади, чьи обильные воды мы сбережем большими плотинами, закончит работу наших сеятелей-карабинов, наших оросительниц-митральез!

Оазис сейчас же вонзит свои шпоры импровизированной зелени в завоеванную мнимую пустыню, которая покроется цветами и плодами.

Это для прекрасных салатов и славных розовых кустов граната вырыла большую дыру. Мы выроем еще другие... Мы посадим другие пальмы, передовых часовых, которые

будут защищать новые ячмени, новые люцерны, стратегически расположенные друг за другом, против песков, возмущенных пылающим самумом.

Долго ли Восток, который мы только что завоевали, будет походить на того верблюда с глазами, завязанными грязным бельем, которого я видел с трудом ворочающего гудящий жернов в тошнотворных погребах, под тяжелыми гамаками паутин?!

Быть может?.. Я утешаюсь, однако же, думая о курице Бумелианы, которая, сидя на самой высокой ветке оливкового дерева, во время битвы, мирно роняла свое яйцо в фуру, полную шрапнелей!

**ОТВЕТЫ
НА
ТУРЕЦКИЕ УТКИ.**

Первый ответ.

Я хотел дать на столбцах «L’Intransigeant» обширное и подробное описание битвы 26-го октября, битвы получившей название Триполийской; я хотел это сделать потому, что эта битва, самая грандиозная и имевшая самое решительное значение, была также единственной из наших побед, которая, благодаря ряду специальных обстоятельств и ложных толкований, оспаривалась турецкой прессой и европейскими газетами, которые являются ее пристрастным эхом.

Турецкий генерал-аншеф атаковал в тот день наши траншеи с исключительными силами: две тысячи турок и почти шестнадцать тысяч арабов, из которых он потерял треть в бою и после поражения не смог сохранить в строю остальных.

У него был чрезвычайно искусный стратегический план, основанный на ненадежности наших аванпостов, рассеянных по фронту на восемнадцать километров. Его семнадцать или восемнадцать тысяч должны были, по теории вероятности, опрокинуть четыре тысячи человек восемьдесят четвертого пехотного полка, который, однако, выдерживал это нападение в продолжение четырех часов.

Воистину футуристическая доблесть наших офицеров и точность нашей морской артиллерии дали нам эту восхитительную победу, за которую мы особенно держимся, так как это единственный случай, когда турки пытались серьезно и с некоторыми данными для победы овладеть Триполи и отбросить нас к морю.

Потери врага исчисляются почти в пять тысяч человек. Наши были бы совсем ничтожными, если бы нам не приходилось сожалеть о смерти нескольких офицеров, павших в главном заходном движении.

На другой день после этой победы, генерал-аншеф Канева, резюмируя рапорты своих офицеров и совершив кропотливый осмотр траншей, счел свои силы еще недоста-

точными для того, чтобы покрыть фронт в восемнадцать километров, и приказал тотчас же эвакуировать Шара-Шат, предпочитая укрепиться на километр сзади, около могил Караманли.

Это не было оставление позиций врагу, который ведь был обращен в полное бегство.

Г-н Андрэ, из «Matin», который провел со мной первые ноябрьские ночи в этих новых траншеях, занятых славным Леонским батальоном 63-го пехотного полка, может подтвердить, что в наши многочисленные вылазки со взводом лейтенанта Вичинанца мы совершенно не встречали врага и нам попадались лишь незначительные самостоятельные группы арабов, которые бежали от нас, выстрелив пару раз.

Бунту оазиса был дан, в самом деле, решительный мат. Тем не менее, генерал-аншеф Канева решил, что, принимая во внимание запутанность и кривизну разбитых дорог, будет трудно разместить быстро войска во время боя, чтобы подкрепить часть фронта, атакованного неприятелем. Он предпочел подождать новые силы, которые шли из Италии, и сохранить за собой более сжатую, но более прочную линию траншей.

Победа 26-го октября побудила бы менее умного и хладнокровного генерала сделать блестящий и смелый жест. Совсем наоборот, со спокойствием великого полководца, генерал Канева укрепился на непоколебимых позициях, совершенно не обращая внимания на европейские пересуды. Таким образом, не прослушав в турецких университетах курса bluff'a, он преподнес очаровательный трамплин шумливым константинопольским уткам.

Те утешились после поражения, крича через Босфор, что они взяли в плен итальянского короля на его яхте, отобрали Триполи, вырезали часть итальянцев и бросили остальных в море. Очевидно, меня забыли при этом утоплении, потому что я совершенно не помню этой холодной ванны!..

Гамбургская итальянская колония ответила на эти глупости, повесив афищи на каждом углу, что в о с с т а в ш и й итальянский народ, с Соннино во главе,

штурмовал здание министерства внутренних дел, чтобы расстрелять Джиолитти, и что итальянский флот должен был укрыться в Кунео. Гамбургские газеты, которые лучше, чем другие, знали порты Средиземного моря, поспешили серьезно воспроизвести эту сенсационную новость!..

Но довольно шуток. Кажется, некоторые французские газеты также объявили о битве 26-го октября, как о турецкой победе. Это произошло потому, что они были плохо осведомлены.

На поле сражения было очень незначительное количество итальянских корреспондентов, а также тот восхитительный редактор «Daily Mirror», который, охваченный ужасом при кратковременном возвращении холеры, оправдывал свое бегство, симулируя глубокое негодование по поводу наших мнимых жестокостей.

Эти журналисты-италофобы никогда не были ни в траншеях, ни в оазисе. Тем не менее, не выдав решительно ничего, они описали все, окопавшись в надежном месте; описали для того, чтобы наполнить глупостями газеты Гамбурга и Франкфурта.

Что касается их добросовестности, то вот вам эпизод достаточно убедительный.

Был между ними некто, по имени Вейбель, корреспондент «Frankfurter Zeitung», близкий друг прославленного Локова, который позднее был изгнан немецким консулом за то, что явно подготовлял и поддерживал восстание арабов. Тот имел, по-видимому, коммерческие интересы, которые оправдывали его антиитальянские происки. Но как оправдать журналиста г. Вейбеля в том маленьком, незначительном ночном приключении, о котором я вам сейчас расскажу?!..

Это произошло 24-го октября, в 9 часов вечера, на другой день после засады Шара-Шат.

В городе Триполи царил самый строгий порядок. Тем не менее, в еврейском и турецком кварталах говорили о предстоящем восстании и о большой резне, которая должна была произойти в полночь.

Мы возвращались из Военного кружка, мой друг Джулио де-Френци из «Giornale d'Italia» и я, по темным улицам.

Только что мы прошли почту и направились к отелю Минерва, как, под аркадой, замыкающей улицу, в ста шагах перед нами, раздался выстрел. Это, очевидно, был револьверный выстрел. Ему почти тотчас же ответили три других выстрела из окон над нашими головами, и пули расплющились около нас на мостовой.

В глубине улицы, откуда раздался первый выстрел, был виден неясно освещенный фонарем кружок стрелков, которые жались вокруг двух жестикулирующих силуэтов.

Приблизившись, мы их опознали. Это были вышеназванный Вейбель и его товарищ Кауфман, другой немецкий журналист.

Капитан, которому мы сделали соответствующее заявление, ответил мне с суровой и взволнованной иронией:

– О! Это пустяки! Этот господин невинно забавляется, охотясь с револьвером за кошками!

Если немец Вейбель и не получил в этот вечер то, что заслуживал, т. е. пулю в лоб, то это только потому, что мы союзники Германии!..

Известно, что позднее корреспондент газеты «Frankfurter Zeitung» был жестоко выведен на свежую воду и изгнан из Триполи, благодаря настойчивой дерзости моего друга, де-Френци.

Эти немецкие информаторы не могли объяснить изменение линии нашего аванпоста иначе, как следствием огромного поражения. Для этого им пришлось, вероятно, заткнуть рот от вони костей мертвецов: от вони, которая шла от пустыни, и воздержаться от такой прогулки, какую сделали мы 26-го октября, в день битвы, перед виллой Джамиль-бея, стены которой словно поддерживались горами арабских трупов.

Директор юридического факультета в Константинополе, г-н Ферерра, в своем письме в «L'Intransigeant», видел нас, вероятно, во сне, дрожащими и осаждаемыми в течение нескольких дней в кругу арабских полков. Это он намекал, конечно, на дрожь нескольких пальм, которые на самом

деле были встряхнуты шрапнелями одной турецкой батареи. Она действительно иногда располагалась очень осторожно в трехстах метрах от нас, угощая нас безвредным свинцовым кофе. Эта батарея, впоследствии захваченная в плен у Аин-Зара, абсолютно не мешала нам и нашим артиллеристам отдыхать после обеда в траншеях и позволила мне написать длинную поэму, которую я сочинял, так сказать, под ее диктовку, между двумя итальянскими пушками, немыми и полными презрения, в Сиди-Мессри.

Мы так тряслись от страха, и блокада Фети-бея была так могущественна, что я делал ежедневно длинные прогулки, тихим галопом, вдоль траншей, с моим дорогим и милым другом Жаном Каррэрром и с другими журналистами, как-то: Сигэле, Коррадини, Грэй, Кастеллини и пр. Мы удалялись на много километров от Бумелианы, вглубь пустыни, которую мы всегда находили совершенно безлюдной.

Короче говоря: преследуя математически точный план войны и не обращая внимания на бахвальство турецкой и немецкой прессы, генерал Канева двинул вперед наши полки, когда счел, что настало время, и занял через пару часов форт Гамидие, позже Генни и Шара-Шат и, наконец, овладел Аин-Зара, штабом турецких войск, которые были вынуждены отступить на пять километров от Триполи к возвышенностям Гариан.

Генерал Канева – достойный начальник этого удивительного полковника Спинелли, победителя битвы у Триполи, и этого второго героя, стойкого и непоколебимого полковника Фара, из 11-го Берсальерского полка.

Он, как и они, был любимый и обожаемый начальник своих солдат, привыкший, как и они, к самым ужасным засядам, к которым он всегда бывал готов.

Прекрасная гарибальдическая фуга, обузданная и управляемая непоколебимой дисциплиной, стратегическими познаниями генералов, усовершенствованной артиллерией, пятью десятками отважных авиаторов, великолепно летающих на своих французских крыльях, – вот что делает опасной нашу армию и совершенно смешной турецкую

наглость, лукаво укрывшуюся за племенами арабов, из которых она сделала полезное пушечное мясо.

Французские читатели легко поймут, что армия, подобная нашей, легко могла подавить мятеж и восстановить порядок в Триполи, не прибегая к зверствам, которые, впрочем, были коренным образом опровергнуты добросовестной и беспристрастной прессой.

Второй ответ.

Действительно, константинопольские утки возвестили не только о поражениях, понесенных нашими полками, но также и об ужасных зверствах, которые будто бы были совершены нами с чисто садистической развязностью над женщинами, детьми и невинными арабами.

Для того, чтобы лучше разжалобить Европу и выпросить ее покровительство, турецкие газеты избрали систему лжехромцов в Андалузии, выставляя напоказ, как червивые раны, фотографии резни, которые они предварительно подделали. Эти фотографии, которые идут не только из Константинополя, но также и из Франкфурга и Лондона, очень легко разложимы на две-три другие фотографии, сделанные в разное время в разных городах Африки и, конечно, похожие друг на друга.

На той, что у меня перед глазами, как почти на всех других, неизбежный сценарий из минаретов и арабских переулков, схваченных арками.

Верхняя часть, представляющая берсальера, наводящего ружье, идет, вероятно, из Триполи. Нижняя часть, изображающая стонущую женщину в лохмотьях и детей, ни капельки не испуганных, может с таким же успехом быть египетского, мароккского или алжирского происхождения.

Все вместе должно убеждать ротозеев в обильности избиений невинных, избиений, которые производили берсальеры.

Что касается фотографий, опубликованных журналом «Daily Mirror», – они меня ничуть не удивили.

Я говорю об иллюстрированном журнале, который не любит оттенков, убежденный, по всей вероятности, в том, что у читателей должны быть кошмары от ужасных и потрясающих снимков.

Вовсе не надо истории, черт возьми! – надо только живо заинтересовать свою публику.

Мне, например, случилось ранить в руку известного литератора на одной парижской дуэли, наделавшей два года тому назад немного шума. А через неделю я увидел себя на первой странице «Daily Mirror» наклонившимся над своим противником, у которого была пронзена насквозь моей шпагой грудь.

Впрочем, как я могу хранить злобу на «Daily Mirror», который был так мил, что, давая мою фотографию своим читателям, покрыл мою почти д'Аннунциовскую лысину чудеснейшими черными волосами?.. Очевидно, одна и та же изумительная промывка фотографий послужила к проявлению моей шевелюры, зверства итальянских офицеров и, скажем, задора журнала, о котором идет речь!

К счастью, вся Европа знает теперь о знаменитом Саде Пыток, который на моих глазах открыли в Генни: сотни трупов итальянских солдат, из которых почти все были с содранной кожей, были погребены заживо; у одних были скальпированы черепа или сшиты губы; у других вбиты в рот оторванные от них самих куски мяса.

Отныне установлено, что авторов этих очаровательных хирургических операций кормили и им помогали наши же офицеры и солдаты, которые убивали свое послеобеденное время, в период до восстания тем, что ухаживали за старыми калекками и детьми, из которых почти все были заражены гнойным воспалением глаз.

Зато никто до сих пор не доказал и не сумеет доказать, что сомнительная прелесть арабских женщин могла бы хоть

раз заставить наших отлично дисциплинированных солдат обойти строгость генерала Канева, гораздо более сурового на этот счет, чем в каком бы то ни было другом отношении.

Кроме того, пора сдать в архив, с ворохом романтической поэзии, все старые клише, восхищающиеся великолепием арабского типа, который мы, к несчастью, встречали почти всюду, на берегу Средиземного моря, лишенным своей античной изваянности и элегантности и сильно попорченным ужасающим разнообразием неизлечимых эпидемий.

Что же касается роковых женщин оазиса, которых будто бы изнасиловали наши солдаты, поговорим о них, если хотите...

У наименее отвратительных гнойные или косые глаза и целые колонии мух, вставленные, как изумруды, в углы губ или на лбу, в оправу гноящейся раны. Все они с пятнадцати лет небрежно стягивают поясом груди, падающие ниже пупка... Попробуйте-ка, если сможете, подышать вонью их грязного белья, которое, в потоках заразительного пота, содержит богатейшие гноящиеся культуры холеры, проказы и сифилиса...

Вы сами поймете, как и я, что наши солдаты могли приближаться к ним только в порыве сострадания, только для того, чтобы утолить их голод или облегчить их болезни.

Действительно, было дело до любви или любовных похищений в ужасном лазарете с переулками, вымощенными экскрементами, каким стал Триполи под владычеством турок.

Я родился в Египте и там я провел свое отрочество и часть юности. Я жил среди арабов и достаточно хорошо говорю на их языке. Поэтому я могу утверждать с полным знанием дела, что мы подверглись роковому влиянию нашего гуманитарного колониализма.

Никто не может заподозрить в патриотическом преувеличении эти разъяснения, которые, признаюсь, причиняют некоторую тревогу моей футуристической душе.

В самом деле, констатируя тот факт, что наша футуристическая агитация в пользу войны, единственной гигиены мира, и милитаризма, против мирной и утилитарной тру-

ности, приготовила с одной стороны великолепную воинственную атмосферу, охватившую Италию в настоящий момент, – с другой стороны я принужден сознаться, что эта пропаганда еще не искоренила из итальянской души прошлые пороки, которые именуются: сентиментализм, болезненное участие и любовь к калекам.

Если, благодаря нашим отчаянным усилиям, у итальянских студентов, наконец, есть идеал повседневногo героизма и горячая страсть ко всем видам опасности, если наша артиллерия мудро усовершенствована, если наши военные летчики и наши берсальеры любят играть со смертью, – от этого не менее грустной правдой является, к сожалению, то обстоятельство, что мы все еще подвержены сердечной нежности и почти женской чувствительности, которую я называю чисто итальянской.

Вот вам пример, взятый из ряда бесчисленных военных подвигов, которые имели место на дороге Шара-Шат, в славный, знаменитый день 28-го октября!

Около трех часов дня, я ехал с моими друзьями Е.М. Грей и Федерико де-Мариа, стараясь достигнуть одного пункта, там, в трех километрах, где трещала оглушительная пальба.

Позже мы узнали, что 11-й Берсальерский полк устоял здесь, не дрогнув, весь день, повинуюсь поднятой шпаге полковника Фара; берсальеры стояли, окруженные ордами арабов, из которых половина устлала матрацем трупов прилегающие фруктовые сады, а другие рассеялись в ужасе от того, что им приходилось сражаться с каре из молний и громов, построенных к сражению.

Мы ехали верхом, между двумя откосами розовой глины, топорщившихся от колоссальных кактусов. Наши лошади громко фыркали и нервно нюхали кривые корни оливковых деревьев, кости и атлетические бицепсы которых продирались сквозь рыжую пыль и грязь дороги.

Внезапно мы увидели молодого лейтенанта Кварта, который приближался в сопровождении десяти солдат и нескольких моряков.

Один из них крикнул мне:

– Не видали ли вы проходившую вооруженную шайку?

Другой моряк, уже взобравшийся на стену, ответил ему за меня:

– Вон они! Вон там, в той вилле, возле волчьей ямы, сзади оливковых деревьев!

– Туда, туда! – закричал Кварта.

Но сначала пришлось ударами палок проделать отверстие между кактусов. Кварта, окровавив руки, прошел...

Все солдаты ринулись за ним. Мы пришпорили лошадей и последовали за солдатами, держа в руках револьверы, в прямоугольную ограду пальм...

Вдруг, вилла приветствовала нас хлещущим градом свинца, и немедленно один юнга, лет шестнадцати, упал, сраженный пулей в рот; упал, выхаркивая кровь.

Инстинктивно я наклонился к нему. Но лейтенант Кварта, настолько же осторожный, насколько и смелый, знал, как и всякий фехтовальщик, что иной раз секунда промедления равносильна поражению.

Утонув с головой в траве впереди меня, он крикнул мне:

– Вперед, вперед! Не теряйте времени!

Я взял в руки карабин убитого моряка, и мы все двинулись вперед, пробираясь от пальмы к пальме, целясь в три окна виллы, в эти пасмурные, угрюмые и темные зрачки с дикими взглядами, бросаемыми из-под длинных ресниц дыма...

Через пять минут, один из трех закрылся. Два солдата, схватив бревно, начали пробивать дверь, ломая ее наискось, чтобы укрыться от пуль.

Она еще противостояла этим удвоенным ударам, и вот, вдруг, мы увидели, что Кварта появился, стоя на срубке колодца, совсем возле виллы. Прыжок – и вот лейтенант уже на террасе...

– Скорей, скорей! Влезайте!

Это был парад гимнастов, которые карабкались на стены, влезали один на другого и прятались от ружейных пуль.

Все устремились на большой четырехугольный двор виллы. Мы стреляли сверху вниз в арабов, скучившихся в углу и целивших наискось, в наши внезапно вынырывающие головы.

Но терраса недостаточно высока. Кварта не остался там, фьють! – прыжок; он стремительно кинулся вниз, направив револьверное дуло в нос арабам.

Те бросили оружие и подняли руки вверх. Вокруг них валялись тринадцать трупов и дюжина раненых...

Мы вышибали двери, чтобы стрелять снаружи в толпу отвратительных, вызывающих тошноту, женщин, которые кричали, как проститутки.

У них у всех были спереди их «галабие», нечто вроде передника, набитые патронами. Кто-то предложил ответить этих женщин в Триполи, а мужчин расстрелять в поле.

Но надо торопиться... Слева приближается ночь, с запахом кислой и приторной гнили, приближается в шумящем и огненном воздухе. Моряк, оставленный на страже на террасе, уже отстреливался из ружья в ответ на пули, летящие из соседнего дома, прямо в нас...

И вот, под напев стрельбы, лейтенант Кварта, оглядев нас своими, словно извиняющимися за свою доброту, глазами, произнес эти незабываемые слова:

– Я отлично понимаю и знаю, что их непременно надо расстрелять... Но я – католик, и я не хочу иметь на своей совести смерть хотя бы одного безоружного араба!.. Свяжите их всех этими веревками и следуйте за мною!

При выходе наш маленький отряд должен был несколько раз замедлять шаги под проливным огнем; мы замедляли шаги из-за раненых, которых надо было тащить или нести на руках!..

Приложение

Фрэнсис Мак-Куллах

<Ответ Маринетти>

Если читателю угодно получить представление о чудовищных размерах, каких достиг культ пушек, насаждаемый итальянскими джингоистами, советую прочитать «Битву у Триполи», вышедшую из-под пера «поэта» Маринетти. Мое внимание к этому сочинению привлекла культурная ирландская дама, которая разделяет мое отвращение к нынешним, римским же варварам, господствующим над Римом.

Описывая схватку 26 октября, Маринетти рассказывает, как посетил дом Джемаль-бея, чтобы «поцеловать кровавый рот солдата, который сжимает в своих руках раскаленное ружье, подобно тому, как мать сжимает свое бредящее дитя... Артиллерист тяжело двигается вперед... бормочет разорванными челюстями:

– Восемь! Я их убил восемь!..

Но ничто не сравнится с эпической великолепной пышностью лейтенанта, который, с ртом, заклепанным окровавленным бельем, поднимает каждую минуту ко мне обе руки, чтобы показать, что он убил десятерых».

Смерти, о которых идет речь, вероятно были убийствами невинных, безоружных людей, хотя поэт-джингоист, судя по всему, этого не понимает.

Мне это восхищение резней кажется почти таким же грандиозным признаком дегенерации, что и само футуристическое движение. Здоровые нации принимают как данность, что их солдаты и моряки обладают обычной мужской храбростью: только больные и трусливые дегенераты впадают в пароксизмы возбуждения и поют безумные гимны при виде артиллериста, который направляет пушку на врага в трех милях от себя, никак не способного ответить. В «Canzone dei Trofei» д'Аннунцио приходит в восторг от выстрела пушки,

хотя в тех обстоятельствах стрелять из пушек было не опасней, чем качать деревенский насос в Суррее. Вслед за д'Аннунцио (но с очень большим отставанием), Маринетти празднует буйным взрывом чрезвычайно плохой поэзии разрывы итальянской шрапнели в турецких рядах, «поток свинца, поток итальянской силы» («Еще! Еще!!! О, какая радость!... Bravo, bravo!... Слава вам, прекрасные пехотинцы 40-го!... Привет вам, пылкий майор Бианкулли, капитан Виджевано, капитан Галлиани!.. Привет тебе, лейтенант Вичинанца, герой с каучуковым телом»).

Абсурдность всей этой отвратительной пошлости станет еще более очевидна, если мы вспомним, что «прекрасные пехотинцы», «пылкий майор Бианкулли», «лейтенант Вичинанца, герой с каучуковым телом» бежали от арабов, как лани, и что результатом всего сражения стало итальянское отступление.

Но синьор Маринетти этого не замечает. Он обращается к звездам; он желает превратиться в снаряд, чтобы взорваться среди «гнусных» врагов: словами, которые едва ли можно назвать приличными, он осуществляет любовь с пушкой. Пулемет становится «элегантной и роковой женщиной...», женщиной «очаровательной, и зловещей, и божественной».

Бордель и бойня, похоже, обеспечивают этого итальянского джентльмена всеми сравнениями. Когда снаряды бьют по пустыне, вздымается «колоссальная нагота женщины; ее разорвавшиеся и лопнувшие груди, полные смолы ... Огромное импровизированное тело из песка выставляет напоказ под открытым небом свой более человеческий профиль. Его толстые и черные губы текут, как лакрица, дымом, и ее пространственный живот выделяет торжественный танец...»

Когда мы поймем, что люди, несущие подобную околесицу, не только разгуливают без присмотра, но и диктуют политику Италии, мы осознаем грозящую Европе опасность.

Говоря об антивоенной партии, синьор Маринетти провозглашает:

«Еще недавно мы, ударами кулаков, на улицах и на митингах, сшибали наших наиболее яростных противников, изрыгая им в лицо следующие неуклонные принципы: ...

3. Необходимо, чтобы назойливое воспоминание о римском величии было бы, наконец, стерто во сто крат большим величием итальянским.

Мы призываем итальянское правительство довести до грандиозных размеров все национальные честолюбия, презирая нелепые обвинения в пиратстве, и провозгласить рождение Панитализма».

Комментарии

Текст книги печатается по новой орфографии с единственного русского издания, выпущенного «Универсальной библиотекой» в Москве в 1915 г.

«Битва у Триполи» Ф. Т. Маринетти (1911), brutальный и динамичный памятник раннего итальянского футуризма, относится к числу книг, неизбежно напоминающих о вековечном вопросе «гения и злодея». Книга эта в полной мере отразила и литературное мастерство Маринетти, и те воинственные националистические и милитаристские взгляды, что вскоре привели его в лагерь Муссолини и зарождающегося итальянского фашизма. «Он был Иоанном Предтечей фашизма» – кратко и точно сформулировал В. Шершеневич, который внимательно следил за эволюцией своего бывшего вдохновителя.

«Если вы перечтете книги Маринетти сейчас, особенно «Манифесты» и «Битву у Триполи», то вас поразит злободневность мыслей» – продолжает поэт в мемуарах, написанных в тридцатые годы (Шершеневич Вадим. «Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910-1925 гг.». *Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова*. М., 1990. С. 500). «Идея «великой» Италии, идея освобождения страны от иностранной зависимости, лозунг «Родина нам дороже свободы», идея национального величия, идея «войны как гигиены человечества» – разве не это нам сегодня передают фашистские радио? Разве не об этом пишут фашистские газеты?»

Вместе с тем, нельзя не отметить этические и эстетические расхождения Маринетти с фашизмом и прежде всего его осуждение ползшего из Германии, как коричневая зараза, нацистского расизма. Но пока что, воспевая в окопах Триполитании откровенно захватническую колониальную войну, Маринетти создавал не политический манифест, а литературное произведение. «Битва у Триполи» стала первым и еще робким опытом применения ряда принципов футуристического письма, сформулированных Маринетти чуть позднее в «Техническом манифесте футуристической литературы» (1912) – тех самых принципов, которые были

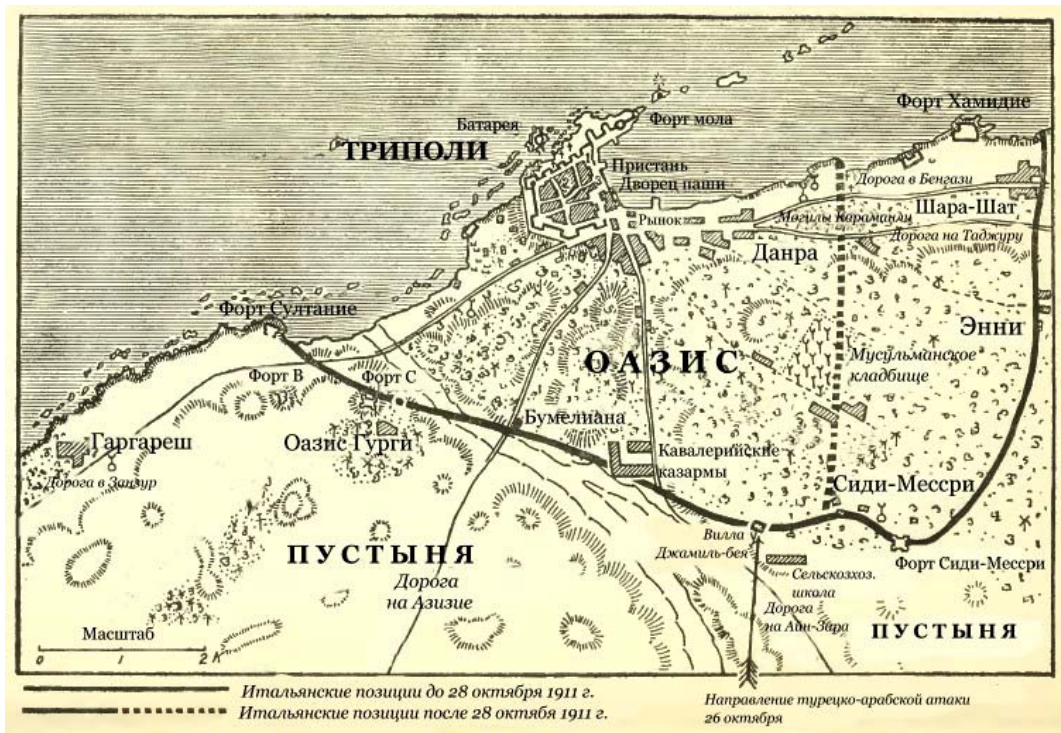
превращены Шершеневичем в теоретическую базу русского имажинизма (см. подробнее в комментариях). Книга была также переходным этапом на пути к более радикальным экспериментам по «уничтожению синтаксиса» и «освобождению от психологии», испробованным Маринетти в «Zang Tumb Tumb» (1914). В «Битве у Триполи», отмечает Д. Шнапп, «слова на свободе» выступали как литературный аналог нового, механизированного и прозрачного поля боя и основанной на монтаже эстетики репортажа, пришедшей из примитивного документального кино» (Schnapp Jeffrey T. «Propeller Talk». *Modernism/modernity*. September 1994. Vol. 1. № 3. С. 169).

Но если «Битва у Триполи» является фактом литературы, она никак не является историческим сочинением. Несмотря на точные подробности и энергичный строй описаний, Маринетти дает фантастическую картину сражения; поэтому нелишним будет вкратце обрисовать общее положение дел в Северной Африке и ход боя 26 октября 1911 года.

Эта схватка была одним из больших столкновений начального этапа итало-турецкой войны после высадки итальянского корпуса и начала оккупации будущей Ливии в октябре 1911 г. За три дня до сражения, 23 октября, турецко-арабские силы сумели нанести итальянцам значительные потери в бою у Шара-Шата в окрестностях Триполи.

Приблизительно в пять утра 26 октября турецкие войска и их триполитанские союзники атаковали по всей линии итальянских укреплений. Острые атаки было устремлено на так называемую «виллу Джамиль-бея» в середине итальянской дуги обороны. Нападавшие сумели выбить из виллы итальянских пехотинцев, захватили часть траншей и попытались двинуться в направлении кавалерийских казарм. Последовала контратака итальянской пехоты и спешенной легкой кавалерии, а мощный огонь морской и полевой артиллерии обратил большую часть атакующих в бегство. Стычки с арабами, которые укрепились в отдельных зданиях или рассеялись по оазису, отстреливаясь от итальянцев, длились в основном до полудня, хотя в некоторых домах повстанцы продержались до 27 октября.

«В 5 часов утра <...> летчиками с аэропланов было обнаружено наступление кавалерии турок и арабов против фронта почти всей позиции, начиная от Триполи и кончая Шарашатом» – описывает бой по горячим следам С. Масловский (Масловский Сергей. *Итало-турецкая война*. СПб., 1911). «Арабы еще до рассвета приблизились к позиции и с рассветом сразу появились на сравнительно

небольшом расстоянии. Сильный артиллерийский и ружейный огонь итальянцев заставил вскоре кавалерийские части отступить, но их сменили пешие части турок и арабов, которые направили главный удар опять-таки на более доступную левую часть позиции от Месри — Хейи до Шарашата, причем в нескольких местах дело дошло до штыковой схватки. На крайнем левом фланге скопившиеся конные арабы пытались прорваться в тыл и сперва имели успех, но итальянцы загнули фланг и сильным ружейным огнем заставили арабов отступить. Результатом дня и на этот раз было повсеместное отбитие итальянцами неприятельских атак, но все-таки энергичные действия турок и арабов <...> убедили итальянцев, что они имеют более серьезного противника, чем думали, а потому наличными силами трудно оборонять столь длинную позицию. <...> Сокращение итальянцами своих позиций дало туркам возможность снова громко оповестить миру о победе над врагами, причем на этот раз у них было доказательство успеха — занятые ими итальянские позиции».

Вполне очевидно, что бой 26 октября отнюдь не был турецкой победой, но не был он и тем грандиозным триумфом итальянского оружия, какой изображал Маринетти в «Битве у Триполи». Итальянцам не помогло ни громадное превосходство в живой силе и технике, ни самое современное вооружение и полное господство в воздухе и на море. В скором времени последовали новые схватки, поражение при Тобруке в декабре 1911 г. и нелегкие для итальянцев столкновения под Дерной весной 1912 г. Объявив свою власть над заморскими территориями (название «Ливия» появилось только два десятилетия спустя) и заключив в октябре 1912 г. мирное соглашение с Турцией, Италия до 1915 г. контролировала лишь прибрежную полосу региона и в дальнейшем вынуждена была лавировать между различными ливийскими фракциями. Жестокая «реконкиста», начатая в двадцатых и сопровождавшаяся массовыми репрессиями вплоть до концлагерей, привела к покорению Триполитании и Феццана, однако в Киренаике бои с враждебными племенами сенусситов продолжались до самой поимки и казни одного из главных лидеров сопротивления Умара эль-Мухтара осенью 1931 г.

Гибель десятков тысяч людей в ходе итальянской колонизации 1920-х гг. заставляет многих современных историков говорить о «геноциде» ливийского населения (Totten Samuel et al. *Dictionary of Genocide*. Westport-London, 2008. С. 259). Но сведения о жестокостях итальянской армии – расстрелах пленных триполитанцев и подозрительных лиц без суда, сожжении деревень, расправах с мирным населением – начали распространяться в немецкой, французской и британской прессе уже в первые недели войны; Италия отвечала опровержениями и рассказами о зверствах врагов, чему и посвящены статьи, вошедшие в книгу Маринетти.

Для критиков Рима «трескучий», как его нередко именовали, пафос Маринетти стал олицетворением итальянской колониальной политики в Северной Африке. «Эта итальянская авантюра – невероятная литературная, поэтическая, журналистская, археологическая продукция. Этой войной «заправляют» безумные футуристы и импрессионисты. В своей «Битве у Триполи» синьор Ф. Т. Маринетти уверяет, что итальянское правительство отныне «футуристическое», что артиллеристы «истинные футуристы» и авиаторы тоже «футуристы». Да наставит их Бог!» – писал военный корреспондент Фрэнсис Мак-Куллах (McCullagh Francis. *Italy's War for a Desert, Being Some Experiences of a War Correspondent with the Italians in Tripoli*. Chicago, 1913. С. 171). Упомянутую книгу Мак-Куллаха трудно назвать беспристрастной

(автор зачастую отказывает итальянским солдатам и офицерам в малейших признаках мужества, непомерно превозносит стойкость и храбрость их турецких и арабских противников и приводит сомнительные сведения), однако ее можно рекомендовать читателю как детальное обобщение обвинений, выдвинутых против Италии в первые недели войны.

Яростные филиппики Мак-Куллаха и его демонстративный отказ от аккредитации при штабе итальянских войск в Триполи не остались незамеченными Маринетти. В марте 1912 г., когда в Лондоне проходила первая выставка футуристической живописи, итальянские футуристы (привычные к кулачным дракам и дуэлям с идеологическими противниками) добрались и до пылкого ирландца.

«Я писал эту книгу в уединенном доме в Суррей-Даунс, и в один прекрасный день мне помешало прибытие трех джентльменов, которые приехали из Лондона на автомобиле и хотели поговорить со мной» – рассказывает Мак-Куллах (*ibid.*, с. xxii-xxiii). Среди них был синьор Ф. Т. Маринетти, который называет себя «поэтом» – он сказал, что только что вернулся из Триполи и остановился в отеле «Савой»; синьор Боччони, «футуристический» художник, если не ошибаюсь; и третий джентльмен, не назвавший свое имя – подозреваю, лондонский корреспондент «Giornale d'Italia». Цель автомобильной поездки этих джентльменов из самого Лондона состояла в том, чтобы вызвать меня на дуэль, и им удалось застать меня дома одного, когда в доме никого больше не было, кроме горничной. Это было второе подобное предложение с тех пор, как я вернулся из Италии. Я сказал, что в надлежащее время дам им знать о себе; услышав это, один из них пригрозил тотчас напасть на меня. Во всех итальянских газетах, похоже, был напечатан длинный, но неверный отчет о данном происшествии; я обнаружил его во флорентийском «Nuovo Giornale» в виде телефонного сообщения из Рима, где он несомненно появился в «Giornale d'Italia». Собственно говоря, случилось лишь то, что я обещал найти противника в отеле «Савой», если когда-нибудь почувствую нужду сразиться с ним на дуэли. После этого «поэт» вскочил на ноги и разразился речью, которая продолжалась четверть часа и немало меня позабавила. Он заявил, что я никогда не бывал в траншеях Триполи и, вероятно, прятался в какой-нибудь городской *кантине*. Он сказал, что м-р Грант из «Daily Mirror» придумал итальянские зверства, чтобы его изгнали, поскольку он страшился холеры, а газета не соглашалась его отозвать. Все это было очень забавно, а еще забавней было

наблюдать, как мой посетитель напыщенно расхаживал по комнате, словно герой мелодрамы».

В нашем издании приводится впервые переведенное на русский язык приложение к книге Мак-Куллаха, направленное против Маринетти и его «Битвы у Триполи».

С.Ш.

С. 7. Если самое имя Ф. Т. Маринетти... – Шершеневич несколько преувеличивает степень неизвестности Маринетти в России. В 1909-1915 г. о нем писали А. Луначарский, П. Буцци, М. Кузмин, С. Алерамо, Г. Тастевен, М. Осоргин, М. Первухин и др., в российских изд. публиковались манифесты Маринетти и прочих итальянских футуристов (обзор этих публикаций см. в: Марков В. Ф. *История русского футуризма*. СПб., 2000. С. 129-142). Кроме того, в прессе широко освещался визит Маринетти в Москву и Петербург в январе-феврале 1914 г., причем газеты уделяли немалое внимание также позиции русских авангардистов по отношению к Маринетти, связанному с ним расколу в стане футуристов, печатали их заявления (см. Харджиев Н. «Веселый год» Маяковского. *Статьи об авангарде*. М., 1997. Т. 2. С. 14-29; Крусанов А. В. *Русский авангард: 1907-1932. Исторический обзор*. Т. 1. *Боевое десятилетие*. СПб., 1996. С. 164-178; он же. «Маринетти в России». *Сумерки*. 1995. № 16. С. 112-149; Алякринская Н. Р. «Маринетти в зеркале русской прессы». *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2003. № 4. С. 77-89). Подробные воспоминания об визите Маринетти оставили Б. Лившиц (Лившиц Б. *Полтораглазый стрелец. Воспоминания*. М., 1991. С. 162-195) и сам Шершеневич, который был при Маринетти «официальным переводчиком» и состоял в переписке с итальянским футуристом (Шершеневич Вадим. «Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910-1925 гг.». *Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова*. М., 1990. С. 498-506). Необходимо отметить значительную роль Шершеневича в популяризации Маринетти в России: он являлся основным переводчиком манифестов и прозы Маринетти (см. ниже), переводил также стих. и пьесы (Шершеневич Вадим.

Ibid., с. 499). Однако художественные произведения Маринетти, как справедливо замечает Шершеневич, переводились сравнительно редко и на русском языке до сих пор не существует скольнибудь показательного корпуса его поэтических и драматических сочинений.

С. 7. Идеальный роман «Мафарка-футурист»... – Роман Маринетти, первое изд. на французском языке в Париже в 1910 г. с подзаголовком «Африканский роман». На русском в переводе Шершеневича вышел в свет в 1916 г. (Маринетти Ф. *Футурист Мафарка*. М., 1916). «Я выпустил <...> «Футуриста Мафарку», которого цензура конфисковала и вырезала ряд страниц» – вспоминает поэт (Шершеневич Вадим. *Op. cit.* С. 499).

С.7. Памфлеты на д'Аннуцио и папу... – Габриэле д'Аннуцио (1863-1938) – выдающийся итальянский поэт и писатель, националист, политический авантюрист и искатель приключений, наряду с Маринетти – один из идеологических и стилистических вдохновителей итальянского фашизма. Герой-авиатор Первой мировой войны, прославился захватом г. Фиуме (Риека в совр. Хорватии) и созданием там «республики» с собою в качестве «Дуче» (1919-1920). Для Маринетти д'Аннуцио был одновременно двойником, ролевой моделью и антиподом; пережив период глубокого влияния старшего поэта, уже в книге «Интимный Габриэле д'Аннуцио» (1903) Маринетти пытался избавиться от этого влияния путем своеобразной «деконструкции» образа д'Аннуцио, а в манифесте «Мы отвергаем наших маэстро символизма, последних любовников луны» («Футуризм», 1911) призвал к «войне с Габриэле д'Аннуцио всеми возможными средствами», обвинив мэтра в болезненности, одержимости роскошью и пагубной страсти к прошлому. Отношения притяжения-отталкивания продолжались годами, от определений типа «кретин с проблесками слабоумия» (Маринетти о д'Аннуцио) и «фосфоресцирующей кретин» (д'Аннуцио о Маринетти) до взаимных реверансов в связи с военными подвигами. В своих манифестах и выступлениях Маринетти неоднократно нападал на католическую церковь, к описываемому времени издал резкий антикатолический «профетический роман в свободных стихах» под названием «Моноплан Папы» (1912, итал. изд. 1914).

С. 7. Манифесты об искусстве... – см. Маринетти. *Манифесты итальянского футуризма*. М., 1914 (пер. Шершеневича).

С. 7. Книга *Le Futurisme...* – Маринетти. *Футуризм*. Пг., 1914. «В предлагаемой книге Маринетти, инициатора, вдохновителя и вожака футуристического движения, читатель найдет футуризм во всей его широте и полноте, со всей его взъерошенностью и растрепанностью, со всеми его уродливыми, отталкивающими и грубиянскими сторонами, с проповедью национализма, милитаризма, войны, как «гигиены человечества», с восстанием против клерикализма и социализма, с прославлением демократических свобод, анархических дерзновений и всяческой разнузданности, с походом против любви, против синтаксиса, против традиций, с поклонением науке и с обоготворением машины <...> Я думаю, что читатель сам разберет, есть ли жизненные и серьезные элементы в этом новом нашествии вандалов и сумеет вынести ему приговор; но для этого нужно, чтобы он знал его в полном составе, без пропусков» – писал в предисловии переводчик этой книги М. Энгельгардт.

С. 8. Еще в итало-турецкую кампанию он отправился добровольцем к окопам Бумелианы... – Это утверждение не соответствует действительности, поскольку Маринетти находился в Африке как военный корреспондент. Бумелиана – см. комм. к с. 18.

С. 8. Маринетти уехал волонтером в ряды французской армии... – Во время Первой мировой войны Маринетти служил в батальоне итальянских велосипедистов, затем в альпийских войсках, написал популярную среди солдат брошюрку «Как соблазнить женщину» и был тяжело ранен в пах; вернувшись на фронт, сел за руль броневика, участвовал в успешном наступлении на Витторио Венето в 1918 г. (см. об этом «пережитый» роман Маринетти «Стальной альков», 1921) и закончил войну с двумя медалями за доблесть.

С. 8. Поэт громил неправильность и несправедливость итальянского нейтралитета и громче, чем всегда,

выкрикивал: «Долой Австрию!» – С 1882 г. Италия вместе с Германией и Австро-Венгрией являлась членом военного Тройственного союза, однако мечтала завладеть австрийскими территориями в Далмации, Тренто и Истрии и в том числе Триестом и в 1902 г. заключила секретное соглашение с Францией, фактически аннулировавшее союзный договор. После начала Первой мировой войны Италия отказалась от участия в боевых действиях, настаивая на оборонительном характере Тройственного союза, и официально соблюдала нейтралитет до 1915 г. Затем, заключив тайный «Лондонский договор» с Антантой и заручившись обещаниями территорий и военным займом, Италия 23 мая 1915 г. объявила войну Австро-Венгрии, а в конце августа 1916 г. и Германии.

С. 9. Вскормленный черной грудью африканской кормилицы, о которой он позднее упоминает в своем манифесте об искусстве... – «О, материнская канава, чуть ли не до краев заполненная грязной водой! Чудные отбросы фабрик! Я глотал твою возбуждающую жижу, которая напомнила мне священные черные груди моей суданской кормилицы» («Основание и манифест футуризма». *Le Figaro*. 1909. 20 февраля).

С. 9. Так, уже в пятнадцатилетнем возрасте <...> Маринетти основал в Александрии журнал «Папирус». К двадцати годам поэт окончил Сорбонну и поселился в Милане... – ряд неточностей Шершеневича. «Le Papyrus» Маринетти основал в феврале 1894 г. в возрасте 17 лет; журнал просуществовал недолго, т.к. Маринетти отправился в Париж, где должен был сдать экзамены для подтверждения звания бакалавра. Осенью 1894 г. Маринетти поступил на юридический факультет университета Павии, затем перевелся в университет Генуи, который закончил летом 1899 г.

С. 9. Здесь он организовал журнал Poesia, роскошное издание, где почти все страны были представлены поэтами, печатавшимися в оригинале. Не забыта была и Россия – журнал «Poesia» («Поэзия») издавался в 1905-1909 гг. В 1909 г. в журнале были напечатаны итальянские версии первых двух футуристических манифестов Маринетти. Из русских авто-

ров в «Poesia» печатался В. Брюсов (Марков В. Ф. *История русского футуризма*. С. 130).

С. 9. Спенсера ... Уэллса и Беллами... - Г. Спенсер (1820-1903) — английский философ, социолог, эволюционист, сторонник «естественных процессов» в обществе; Г. Дж. Уэллс (1866-1946) – британский писатель, великий фантаст, социалист, защищавший идею «всемирного государства»; Э. Беллами (1850-1898) – американский фантаст, социалист, автор популярнейшего утопического романа «Looking Backwards» («Взгляд в прошлое», 1888).

С. 10. Ницше... пессимист, шествующий по вершинам Фессалийских гор... Его сверхчеловек... - Ф. Ницше (1844-1900) – великий немецкий философ, чье учение о Сверхчеловеке («Так говорил Заратустра», 1885) было грубо извращено нацистами в Германии и итальянскими фашистами. Фессалия – регион в Греции, где находится гора Олимп, вотчина древнегреческих богов.

С. 11. Сын Гоббса и Макиавелли... – Т. Гоббс (1588-1679) – английский философ, основоположник западной политической философии, выдвинувший в книге «Левиафан» (1651) теорию общественного договора (здесь указывается как символ материализма); Н. Макиавелли (1469-1527) – итальянский политический деятель, мыслитель, сторонник сильного государства, чье имя стало синонимом политических козней.

С. 12. «Очаровательной митральезы»... – Митральеза – многоствольное орудие, стрелявшее картечью (от франц. *mitraille* – картечь), у Маринетти – раннее название станкового пулемета.

С. 12. Трансформистскую гипотезу Ламарка... – Французский ученый-биолог Ж. Б. Ламарк (1744-1824) утверждал, что в природе господствует стремление к прогрессу и имеет место наследование приобретенных живыми существами в приспособлении к окружающей среде признаков.

С. 13. Механического сына, плод чистой воли... – в романе Маринетти «Футурист Мафарка» (1910) африканский властитель Мафарка, аллегория футуристического творца, порождает машинообразного сына Газурмаха, бессмертного гиганта с «несокрушимыми крыльями», воплощающего футуристический миф авиации и полета.

С. 13. Дредноута, с его эскадрой островов-миноносцев ... – Дредноут – военный корабль класса линкор с мощной броней и большим количеством тяжелых пушек. Первым кораблем такого типа стал английский *HMS Dreadnought*, спущенный на воду в феврале 1906 г.; название его переводится как «Неустрашимый». Появление дредноутов привело к масштабной гонке вооружений в Европе. Военные суда, как и аэропланы, оказывали на футуристов, в том числе русских, гипнотическое воздействие: в ранних брошюрах «Подвиг «Новика» (1904), «Потопление «Севастополя» (1905) и «Бой при Чемульпо» (1905) Игорь Северянин воспевал военно-морские подвиги, В. Маяковский в шуточном стих. «Военно-морская любовь» (1915) рисовал вольные игры на волнах миноносца и «миноносицы» и т.д.

С. 13. «Триест! Ты багровое и гневное лицо Италии...» – см. комм. к с. 8.

С. 13. Азинари де-Бернеццо... - Генерал-майор Витторио Азинари де-Бернеццо (1876-1943), командующий третьим корпусом итальянской армии со штабом в Милане, был смещен в 1910 г. за антиавстрийские выступления перед офицерами. «Мы завершили второй футуристический вечер (Милан, «Театро лирико», 15 февраля 1910) криками: «Да здравствует война, единственная гигиена мира! Да здравствует Азинари де-Бернеццо! Долой Австрию!». Эти призывы, кинутые в лицо четырем тысячам зрителей и повторенные толпами студентов, подарили нам свистки, оскорбления и презрительные замечания *здравомыслящих* этого века пацифизма» – писал Маринетти в «Манифесте футуристической политики» (1915).

С. 14. *«... Страшный год. Газетное витийство...»* – цитата из стих. Н. Некрасова «Страшный год» (ок. 1872-74).

С. 15. *«Она (война) идет ... с бессмысленным кровавым приговором...»* – цитата из стих. А. Голенищева-Кутузова «Шествие войны» (ок. 1877).

С. 15. *«Бывший человеческим и ставший зверским вид»...* – искаженная цитата их стих. К. Бальмонта «Война», вошедшего в сб. «Литургия красоты. Стихийные гимны» (1905); в оригинале: «Бывший человеческим и ставший зверским взгляд».

С. 15. *«Мне странно подумать, что трезвые люди...»* – цитата из стих. К. Бальмонта «Война, не вражда» из сб. «Литургия красоты. Стихийные гимны» (1905).

С. 15. *Тянувшихся переживаний героя «Четырех дней»...* – «Четыре дня» (1877) – антивоенный рассказ участника русско-турецкой войны писателя В. Гаршина, написанный им в госпитале после ранения. Отметим, что в отличие от ряда русских футуристов, уклонявшихся от призыва и чуждых военному пафосу Маринетти, Шершеневич в 1915 г. зачислился вольноопределяющимся в автомобильную часть и провел некоторое время на фронтах Первой мировой войны.

С. 15. *Образ за образом, образ за образом, почти полное отсутствие простого описания, снова атака образов <...> нагромождение образов, самых разнообразных, зачастую противоречащих друг другу, этот метод политематизма... не были применены с большей удачностью...* – В «Техническом манифесте футуристической литературы» (1912) Маринетти писал среди прочего о принципах «цепочек аналогий» и «сеток образов», примененных им в «Битве у Триполи», о равноценности аналогий, ломке синтаксиса и пр. Принципы поэтики Маринетти, по существу, стали основопола-

гающими принципами имажинизма Шершеневича. Впервые излагая в печати имажинистскую теорию (Гаер Г. <В. Шершеневич>. «У края «прелестной бездны». *Без муз. Художественное периодическое издание*. Н. Новгород, 1918. С. 39-41), Шершеневич дословно цитировал Маринетти: «*Образ прежде всего. Первый возвестил эту магию образа самый пламенный декадент футуризма, ученый мальчик, небрежный отец футуризма, столько раз ударявший своего сына тем ударом, который был приготовлен для врага, Ф. Т. Маринетти: «Образы не цветы, которые можно срывать и выбирать с мелочной бережливостью: они составляют самую сущность поэзии. Поэзия должна быть непрерывающимся рядом новых образов, иначе она только анемия и бледная немочь». Ибо образы – это безграничная любовь к отдаленным, часто враждующим вещам; ибо образы – это ощупывание мира! Образы воспринимаются... чем?.. лиризмом слушателя, а у интуиции нет умысла и предпочитаний; для нее нет образов высоких и низменных, правильных и не точных, есть только убедительные и старые. Лиризм требует беспрерывья аналогий, эпитетов, «каков». Сетями образов выловить из мира всю его сущность. Понять – определить». Сходные положения были повторены в «Декларации» имажинистов, опубликованной в январе-феврале 1919 г. в «Советской стране» и воронежской «Сирене». Как справедливо отмечал еще В. Львов-Рогачевский, «в сущности теория бывшего футуриста Шершеневича является грубым заимствованием и пересказом манифестов Маринетти, его рассуждений о беспроволочном воображении и словах на свободе, словах без синтаксиса» (Львов-Рогачевский В. «Имажинизм». *Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов*. М.-Л., 1925). В то же время, уже в кн. «Футуризм без маски» (М., 1914) Шершеневич упрекал итальянского футуриста в проповедничестве и замечал, что «в творчестве Маринетти удалось подметить процесс растворения, а вот процесс индивидуализации пропущен» (*ibid.*, с. 27). Подробнее о взаимоотношениях имажинизма Шершеневича и футуризма Маринетти см. в изд.: Nilsson Nils Ake. *The Russian Imaginists* (Stockholm, 1970); Lawton Anna. *Vadim Shershenevich: From Futurism to Imaginism* (Ann Arbor, 1981); *Русский имажинизм: история, теория, практика* (М., 2003) и др. работах.*

С. 16. За войну, единственную гигиену мира... – цитируется манифест Маринетти, датированный 11 октября 1911 г.;

полностью включен в «Футуристическое политическое движение» (сб. манифестов Маринетти «Война, единственная гигиена мира», 1915).

С. 17. В *L'Intransigeant* с 25-го по 31-е декабря 1911... – *L'Intransigeant* («Непримиримый») – влиятельная французская газета правого направления (1880-1940). В период дела Дрейфуса занимала антисемитские позиции. С 1906 г. под руководством Л. Бальби начала расширяться, постепенно стала ведущей ежедневной вечерней газетой Франции с тиражом в 400,000 экз., тираж резко сократился к концу 1930-х гг. Публикация «Битвы у Триполи» была начата 26 декабря 1911 г. в № 11486 газеты. В газетной публикации текст Маринетти назывался «Современная битва (Триполи, 26 октября). Впечатления участника боевых действий».

С. 17. В других газетах, особенно в немецких... – этот пассаж Шершеневича, безусловно, продиктован не столько сочувствием по отношению к итальянской колониальной политике, сколько патриотическими соображениями и ненавистью к Турции и Германии как противникам в Первой мировой войне.

С. 17. Экземпляр, с которого сделан этот перевод, издан в 1912 году... – имеется в виду отдельное расширенное изд.: Marinetti F. T. *La Bataille de Tripoli*. Milan, Edizioni Futuriste di «Poesia», 1912.

С. 18. Близ Бумелианы... – также Бу-Мелиана или Бумелиан, источники с колодцами близ Триполи, место расположения водного резервуара, питавшего город, о котором пишет ниже Маринетти: «тэф-тэф парового насоса, утоляющего жажду города».

С. 19. На берегу оазиса... – Здесь и далее Маринетти использует это понятие для описания всего «оазиса Триполи», как часто называлась данная местность в литературе конца XIX - нач. XX в. Приведем описание русского путешественника А. Елисеева: «В

этом обширном оазисе, тянущемся в виде полукольца вокруг города до самого берега моря, шириною от трех до пятнадцати верст, можно сказать, заключается настоящий этнографический музей еще скорее, чем на улицах и базарах Триполи. Под сенью обширного пальмового леса здесь группируются самые разнообразные постройки и ютится самое разнообразное население. Многие горожане Триполи имеют тут свои сады, огороженные стенами и заборами из колючих кактусов, представляющих самую лучшую ограду. Этими стенами и проходящими между ними пыльными дорогами во всех направлениях оазис эль-Мешиа подразделяется на многочисленные отделения, нередко живущие вполне обособленную жизнь своего населения. Загородные виллы итальянских и мальтийских купцов, построенные по образцу европейских построек, пышные конаки и гаремы турок, окруженные тенистыми садами, белые мазанки пригородных обитателей, черные шатры кочевых арабов, разбивающих свое временное становище и, наконец, целые деревеньки негров, состоящие из хижин, сложенных из глины, пальмовых листьев и древесных ветвей, прячутся под сенью многочисленных пальм эль-Мешиа, образуя на каждом шагу самые живописные картины» (Елисеев А. В. *По белу-свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света*. СПб., 1902. Т. III. С. 86-87). О том, какой угрожающей казалась итальянцам эта местность в первые недели войны, рассказывает итальянский офицер: «В настоящее время война ограничена одним местом – оазисом. <...> Тысячи вооруженных туземцев скрываются в этих таинственных джунглях, где никогда не слышен топор лесоруба, а густые, спутанные ветви не знают пилы. Здесь высятся гигантские пальмовые деревья, а в их кронах с утра до вечера <...> прячутся арабы, вооруженные до зубов. Во все стороны простираются громадные кустарники и чащобы, стены, дома и хижины; здесь невозможно и шагу ступить без того, чтобы угодить в засаду» (Irace Tullio. *With the Italians in Tripoli. The Authentic History of the Turco-Italian War*. London, 1912. С. 166).

С. 20. Дюн Гаргареша... – Гаргареш – в нач. 1910-х г. деревня и прилегающая местность неподалеку от Триполи. «В свое время это была римская деревня, названная в честь императора Каракаллы. Это мирное местечко с белыми домами, зелеными полями и пальмовыми деревьями <...> Дальше и левее остаются каменоломни, также возникшие во времена римлян, откуда добывается

большая часть камня, который идет на постройку новой гавани» – пишет путешественница Э. Браун (Braun Ethel. *The New Tripoli and What I Saw in the Hinterland*. London-Leipzig, 1914. С. 221-222).

С. 23. Маленькую обезьянку уистити... – Уистити или обыкновенная игрунка (*Callithrix jacchus*) – обезьянка размером с белку, обитающая в дождевых лесах Южной Америки; эти зверьки часто содержатся в неволе в качестве домашних питомцев.

С. 23. Зендадо... – шелковая, обычно черная, шаль или накидка с кистями.

С. 24. Еврейский квартал, обвитый внезапной паникой во время арабского восстания... – Страх арабского восстания преследовал и евреев Триполи, и итальянцев с 23 октября 1911 г., когда итальянские войска были внезапно атакованы турками и восставшим населением Триполи в районе оазиса Шара-Шат (в разл. написаниях Шарашат, Шарашетт и т.д.); по итальянским данным, итальянцы потеряли в сражении до 400 чел. убитыми и 200 ранеными. Ср. ниже, с. 50: «Это произошло 24-го октября, в 9 часов вечера, на другой день после засады Шара-Шат. В городе Триполи царил самый строгий порядок. Тем не менее, в еврейском и турецком кварталах говорили о предстоящем восстании и о большой резне, которая должна была произойти в полночь».

С. 25. Эти три красные огня... Большие фонари... Слушайте эту дробь барабанов... – Ср. в воспоминаниях одного из итальянских офицеров: «Ночью 25 октября, в мрачном, тенистом безмолвии спящей пальмовой рощи, был слышен едва различимый грохот далеких барабанов – отдаленная прелюдия к атаке; а с более высоко расположенных траншей можно было заметить отблеск света, прерывисто мерцавший во тьме ночи» (Grace Tullio. *Op. cit.* С. 136).

С. 26. Эти миллионы свечей ... это и есть турецкие или арабские батальоны в рассыпном строю... – Ср.: «Внезапно тяжкое молчание раскалывает яростный взрыв ружейного огня. Ровно пять утра. Длинная мерцающая линия огоньков с языками трещащего пламени вспыхивает перед нашим фронтом...» (Irace Tullio. *Op. cit.* С. 137). «Было все еще темно, и песчаные холмы внезапно выступили на черном небе, озаренные тысячами маленьких вспышек огня – то были выстрелы турецких и арабских ружей с гребней дюн. Пустыня напоминала общественное здание, увитое в праздник гирляндами электрических лампочек» (McCullagh Francis. *Italy's War for a Desert, Being Some Experiences of a War Correspondent with the Italians in Tripoli.* Chicago, 1913. С. 213). О книге Мак-Куллаха см. введение и комм. к с. 59.

С. 28. Перед виллой Джемаль-бея... – «26 октября арабы атаковали пункт в пустыне и прорвались также там. Этот пункт представлял собой виллу между кавалерийскими казармами и Бумелианой, называемую «домом Джемаль-бея». Джемаль-бей – турецкий начальник штаба <в Триполитании> и, возможно, сам командовал атакой» (McCullagh Francis. *Ibid.* С. 211).

С. 28. Полковника Спинелли... – Спинелли – командир 84-го пехотного полка.

С. 29. В общем, приблизительно, восемнадцать тысяч человек, из которых четыре тысячи как раз атакуют фронт моего полка... – Цифры нападавших колеблются от 1,500 чел. в антиитальянских сочинениях современников до 8,000 у итальянских участников схватки и даже 18,000, как у Маринетти. По современным итальянским источникам, весь турецкий гарнизон в регионе насчитывал около 4,000 чел., к которым присоединилось неустановленное число местных сторонников. С. Масловский (Масловский Сергей. *Итало-турецкая война.* СПб., 1911) указывает, что численность турецких регулярных войск в регионе не превышала приблизительно «6 1/2 тысяч пштыков, 1000 сабель и 36 орудий», из них собственно в Триполи, по германским сведениям, находились около 2500 чел. при 24 орудиях; численность итальянских войск в Триполи к началу октября

составила 20-22 тыс. чел. «Число арабов, присоединившихся к турецким войскам, учесть совершенно невозможно» – замечает автор. «Во всяком случае арабы не войско, а лишь необученная и недисциплинированная толпа, не могущая оказать в открытом бою сколько-нибудь серьезного сопротивления регулярным войскам».

С. 29. *Моя седьмая рота не может дольше удерживать виллу Джамиль-бея...* – 7-я рота 84-го пехотного полка была выбита из виллы Джамиль-бея в самом начале турецко-арабской атаки.

С. 31. *Батарея вышла из тропинки ... длинные, монументальные лошади...* – Ср. в описании Мак-Куллаха: «Скорострельная батарея была поспешно выведена из кавалерийских казарм. Батарея Гольцио, которая в тот самый день лишь высадилась в Триполи, была немедленно отправлена в Бумелиану; ей удалось достичь этого пункта, несмотря на попытки двух смелых и разумных арабов, спрятавшихся в доме, подстрелить лошадей. В Бумелиане эта новая батарея оказалась весьма полезной – а тем временем две другие батареи, которые стояли в Бумелиане с самого начала оккупации, начали обстреливать наступающих арабов, нанося им смертельный урон» (McCullagh Francis. *Op. cit.* С. 221).

С. 33. *Высоком плоскогории Гебеля* – Гебель – здесь западное плоскогорье Ливии, или «аль-джабаль аль Гарби», отделяющее равнину Джефар от пустыни (в русской транскрипции чаще – Джебел).

С.34. *Душистые грезы фруктовых садов...* – Благодаря подпочвенным водам вокруг Триполи было множество фруктовых садов. «Говорят, что в Триполи и окрестностях более восьми тысяч колодцев, но так как арабы не любят точные цифры, их истинное число может быть и большим. В каждом саду имеется колодец, простые средства орошения и высокие глинобитные стены, которые защищают сад от вечно наползающего песка. Над этими унылыми серыми барьерами виднеются багряно-красные

цветы гранатовых деревьев, олеандры, пальмы и даже вьющиеся розы, намекая прохожему на роскошные радости сада» (Todd Mabel Loomis (Mrs. David Todd). *Tripoli the Mysterious*. London, 1912. С. 80-81).

С. 34. Это был железный ураган... – Ср. дальнейшее описание артиллерийского обстрела с отчетом Мак-Куллаха: «Превосходная полевая артиллерия, которая к тому времени разместилась слева от морской батареи, препятствовала любым турецким попыткам двинуть подкрепление к песчаным дюнам. Большие пушки каждое мгновение выбрасывали снаряды, которые взрывались среди врагов, поднимая высоко в воздух смешанные облака песка и дыма. <...> Смертоносная шрапнель везде находила врага. Снаряды взрывались на вершинах холмов и в долинах за ними. Было очевидно, что укрыться туркам негде, разве что под землей. И все же иногда несколько из них показывались на гребне холма. В дыму снаряда часто можно было видеть, как они встают и перебегают. Они все-таки продолжали стрелять по итальянским траншеям, но находились слишком далеко и можно было видеть, как их пули взметали фонтаны песка за целую сотню ярдов от итальянских позиций. Артиллерия работала умело и мешала врагу сосредоточиться. Стоило группе арабов начать стрелять, прячась в складках почвы, как над их головами разрывалась шрапнель и нередко заставляла их умолкнуть навсегда. Стоило им скрыться в хижине, как пара снарядов уничтожала крышу и стены, и маленький гарнизон бежал, порой падая под смертельным дождем осколков шрапнели» (McCullagh Francis. *Italy's War for a Desert, Being Some Experiences of a War Correspondent with the Italians in Tripoli*. Chicago, 1913. С. 221-222).

С. 36. Кавалеристы Феццана... – Феццан – регион оазисов в пустыне, бывшая османская колония, которая вместе с Киренаикой и Триполитанией вошла в состав образованной итальянцами Ливии. Регион расположен на юго-западе современной Ливии.

С. 36. Колоссальные копыта Магометова коня... – подразумевается волшебный крылатый конь Аль-Бурак (в русском написании также Аль-Барак, Аль-Баррак), на котором Магомет совер-

шил мистическое путешествие из Мекки в Иерусалим и на небеса, описанное в Коране в 17-й суре «Аль-Исра» («Ночное путешествие»).

С. 38. Капитан Пиатца... его большой властительный Блерио... – Карло Мария Пиатца (1871-1917) – известный военный летчик, один из пионеров итальянской авиации. Во время итало-турецкой войны командовал Первой аэропланной флотилией (9 самолетов и 11 пилотов), которая в октябре 1911 г. была размещена к юго-западу от Триполи. Во время сражения 23 октября 1911 г. совершил на своем «Блерио XI» первый вылет в обстановке боевых действий. О действиях авиации и в том числе Пиатца 26 октября итальянский офицер пишет: «В этом сражении, впервые в военной истории, авиаторы приняли участие в операциях: они кружили над войсками на высоте 1,800 футов, снижались, чтобы передать информацию о смене врагом позиций, и своевременными советами помогали артиллерии достичь более смертоносного эффекта» (Irace Tullio. *With the Italians in Tripoli. The Authentic History of the Turco-Italian War*. London, 1912. С. 153). В марте 1912 г. Пиатца впервые в мире использовал разведывательную аэрофотосъемку, сфотографировав с воздуха турецкие позиции. В годы Первой мировой Пиатца, считавшийся превосходным воздушным разведчиком, аэрофотографом и топографом, получил звание полковника и ряд высоких наград. Умер от полученной на войне болезни.

С. 39. Сиди-Мессри... – Сиди-Мессри (также Мессри) – местность близ «виллы Джамиль-бея», где располагался один из зашицавших Триполи фортов.

С. 39. Оазису Занзура... – Занзура или Занзур – в описываемое время оазис примерно в 25 км от Триполи, бывший древнеримский курорт Ассария. «Оазис орошается множеством маленьких каналов; они бегут во всех направлениях и получают воду из колодцев. Благодаря отличному водоснабжению, в Занзуре произрастает большое количество злаков и фруктов, а также жасмин, любимый цветок арабов. В оазисе, который в действительности состоит из семи меньших оазисов и служит домом для 12,000

жителей, имеется полтора миллиона пальмовых деревьев» (Braun Ethel. *The New Tripoli and What I Saw in the Hinterland*. London-Leipzig, 1914. С. 223).

С. 39. *Наверх всплывает зеленый флаг. Кто им машет?*

Это один из наших!.. – Захват «зеленого знамени Пророка» описывался в Италии как один из наиболее героических эпизодов сражения 26 октября 1911 г. В официальных сводках говорилось, что знамя было захвачено в «блистательной штыковой атаке». По словам итальянского офицера-участника схватки, «толпа врагов бросилась в атаку, выкрикивая стихи из Корана, точно военную песню. Над их головами развевался зеленый штандарт – священное знамя Пророка. Восьмая рота 84-го пехотного, не дожидаясь, пока на нее обрушится вся мощь этого нападения, встретила их залпом с места, после солдаты перепрыгнули через бруствер и бросились на нападавших с примкнутыми штыками и криками «Савойя!». Арабы были не готовы к этой контратаке, но, хоть и были застигнуты врасплох, оказали отчаянное сопротивление. Многие пали и среди них знаменосец, чье знамя с громкими криками триумфа было принесено в траншеи. Теперь оно висит среди военных трофеев 84-го. Это простой зеленый флаг из хлопковой ткани с дырами от ударов штыков» (Irace Tullio. *With the Italians in Tripoli. The Authentic History of the Turco-Italian War*. London, 1912. С. 146). Однако Мак-Куллах уверяет, что «зеленый флаг был найден после битвы под кучей арабских мертвецов, громоздившейся перед домом Джемаль-бея. Не было никакой блестящей атаки итальянцев. Невидимые пушки и ружейный огонь совершили за них этот героический подвиг» (McCullagh Francis. *Op. cit.* С. 231).

С. 40. *Из деревень Тархуна, Мисрата и Таджюра ... по*

дороге Азизии... – перечислены города Триполитании: Тархун (точнее Тархуна) в 80 км юго-западнее Триполи, Мисрат (точнее Мисурата) в 210 км восточнее Триполи, Таджюра (Таджура) в 14 км к востоку от Триполи. Дорога на Азизие, проходя через Бумелиану, вела непосредственно к городу Триполи.

С. 40. Берсальеров... – Берсальеры – мобильные стрелковые пехотные части итальянской армии, впервые введенные в армии королевства Пьемонт-Сардиния в 1836 г. Отличительная черта берсальеров – черные перья глухаря на шляпах (парадная форма) и касках. В октябре 1911 г. в составе итальянского экспедиционного корпуса находились 8-й и 11-й полки берсальеров.

С. 40. Из засады Шара-Шат... – см. КОММ. к с. 24.

С. 40. Приняли ямы наших траншей за лавки, торгующие свиной ... и они остались навеки с ртами, набитыми сыром, украденным из ранцев наших солдат – Ср. рассказ Мак-Куллаха: «К несчастью, туземцы вновь совершили ту же ошибку, что превратила их победу 23-го в поражение. Их подвела страсть к грабежу. Не успели они выгнать итальянцев из траншей, как начали раздевать мертвых и жадно поедать бисквиты и куски мяса, найденные в карманах убитых. Они также присвоили рюкзаки и всяческие мелочи, найденные в траншеях. <...> Точно так же многие арабы были застрелены на вилле Джемаль-бея, когда они деловито обирали трупы вместо того, чтобы попытаться отбросить контратаку итальянцев» (McCullagh Francis. *Italy's War for a Desert, Being Some Experiences of a War Correspondent with the Italians in Tripoli*. Chicago, 1913. С. 221-222). О голоде среди повстанцев пишет итальянский офицер: «Несколько раз они атаковали изолированные отряды итальянских солдат лишь для того, чтобы украсть их пайки, которые мгновенно начинали поедать. Мы встретили банду из девяти человек, они ели булки, отобранные у солдат, которых мы позднее обнаружили убитыми в густой кактусовой роще прямо по соседству. Тела арабов, найденные после ужасной вчерашней битвы, такие худые и истощенные, что можно подумать, будто в бой их вела не только религиозная враждебность, но также голод, придающий им смелость и даже безумие» (Irace Tullio. *Op.cit.* С. 168-169).

С. 41. Я вижу, как быстрые негры... – Ср.: «Нигде, даже в Египте и в Аравии, мы не встречали такой массы представителей всевозможных негритянских племен, как в Триполи, некогда служившем одним из главных рынков торговли черным товаром. Все

черные племена Судана до границы Абиссинии, Конго и Сенегамбии имеют своих представителей в Триполи и его ближайших окрестностях, местами представляя даже главную массу населения» (Елисеев А. В. *По белу-свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям Старого Света*. СПб., 1902. Т. III. С. 81).

С. 43. Форта Султани... – «Наиболее сильным береговым укреплением является форт Султание, к западу от города, называемый часто также фортом Гаргареш, по имени прилегающей местности. Он состоит из группы земляных укреплений, устаревших, но вооруженных орудиями Круппа. По итальянским данным, в вооружение форта входили 210-мм гаубицы; по данным фон дер Гольца, однако, там не было орудий крупнее 150-мм пушки» (Масловский Сергей. *Итало-турецкая война*. СПб., 1911). Во время бомбардировки Триполи 3 октября 1911 г. турецкие войска вели из форта артиллерийскую дуэль с кораблями итальянской флотилии.

С. 43. Дорогу Энни... – Энни (Генни) – «большая деревня к юго-востоку от Триполи, стоящая в чрезвычайно заросшем и почти непроходимом оазисе» (Grace Tullio. *With the Italians in Tripoli. The Authentic History of the Turco-Italian War*. London, 1912. С. 117).

С. 44. Di' biondina, lo vorresti mai... – «А не хочешь ли блондинку птичкой для любви?» (итал.).

С. 45. Восемь! Я их убил восемь! ... убил десятерых! ... – Сам Маринетти в письме к другу похвалялся, что собственноручно убил трех арабских солдат (F.T. Marinetti – Aldo Palazzeschi. *Carteggio*. Milan, 1978. С. 61-62).

С. 45. Гранатфеи, Солароли... – Гранатфеи (Гранатеи) и Солароли – лейтенанты кавалерии, погибшие в сражении 26 октября 1911 г.

С. 45. Трупы капитана Файтини, лейтенанта Беллини и лейтенанта Орси – У Маринетти и в др. источниках – Файтини (в русском тексте опечатка или ошибка переводчика). Как рассказывает участник сражения, «всадники из легкой кавалерии нашего полка Лоди немедленно выбежали из казарм и вместе с другой ротой 84-го пытались остановить врага, шаг за шагом тесня его. В этот момент рота потеряла капитана Файтини, который получил смертельное ранение в голову, и лейтенанта Беллини, который схватил ружье своего ординарца и стрелял из него. Он пал, убив четырех врагов» (Grace Tullio. *Op. cit.*, с. 145-146). Ср. рассказ Мак-Куллаха: «Капитан Файтини, радушный и исполнительный офицер, шел во главе колонны с моноклем в глазу <...> Приблизившись, они сделали чрезвычайно неприятное открытие – негодяи были вооружены. «Наследники древнего Рима» бежали как кролики, потеряв своего командира, капитана Файтини, лейтенанта Беллини и значительное число рядовых» (McCullagh Francis. *Op.cit.* С. 232). Этот же автор приводит следующую романтическую историю гибели лейтенанта Орси, обошедшую страницы всех итальянских газет: «Убийцей был старый садовник с виллы Джемаль-бея, который в последнее время готовил еду для офицеров, а жертвой лейтенант Орси из 84-го полка. Дочь старика страдала лихорадкой, и молодой лейтенант несколько дней любезно ухаживал за ней и давал ей хинин. В то утро он принес ей лекарство и чашку кофе из полковой кухни. Но отец девушки, похоже, впал в бешенство и перестал сознавать, что делает, когда несколько минут спустя услышал оглушительную пальбу атакующих арабов и ужасный боевой клич, «Аллах акбар!» и «Ла илаха илла-ллаху Мохаммед расулу 'ллах!»». Схватив нож, он бросился на человека, который спас жизнь его дочери, и ударил его ножом прямо в сердце. Его закололи штыками так быстро, что он упал мертвым на еще теплое тело своей жертвы» (*ibid.*, с. 217).

С. 45. Наших огромных земледельческих гранат... плододонную землю... – Маринетти повторяет распространенные лозунги итальянской пропаганды 1900-х гг., в которой регион будущей Ливии преподносился как сельскохозяйственный рай, способный обеспечить достойным существованием нуждающихся итальянских крестьян, направить продуктивные силы на-

ции на развитие исторически связанных с Италией земель, а не в заокеанскую эмиграцию, поднять экономику страны и т.д.

С. 45. Уади... – Уади (вади) – ущелье, овраг, русло протока (араб.).

С. 48. Ненадежности наших аванпостов... – «Итальянцы заняли позиции полукругом верстах в двух к югу от окраины города, опираясь обоими флангами на берег моря. Передовые их части заняли линию от форта Султание через колодцы Бумелиан, форты Месри и Хейи к Хамидие, общим протяжением около 8 верст. Такое расположение 20–22-тысячного отряда на неукрепленной заблаговременно позиции, если не считать нескольких незначительных старых земляных укреплений, надо считать безусловно растянутым. <...> Нельзя не обратить внимание на указание о почти полном отсутствии мер охранения и разведывания. Такая крупная погрешность в самой азбуке военного дела положительно непонятна» – писал в своей проникательной книге С. Масловский (*op. cit*), который предсказывал, кстати, длительную партизанскую войну и «борьбу с сенусси, с еще не сложившимся в устойчивый и целостный организм, но сплоченный уже идейно, одной верой и одной мыслью, «северо-африканским арабским халифатом».

С. 48. Потери врага исчисляются почти в пять тысяч человек. Наши были бы совсем ничтожными... – Итальянский очевидец писал о приблизительно 2,000 убитых и раненых из числа нападавших и о том, что на участке между Месри и Бумелианой начитали 670 вражеских трупов (Irace Tullio. *With the Italians in Tripoli. The Authentic History of the Turco-Italian War*. London, 1912. С. 148-149). Потери итальянцев здесь же исчисляются в 130 убитых и 398 раненых, в других итальянских источниках говорится, что итальянцы потеряли 13 офицеров и 361 солдат убитыми, 16 офицеров и 142 солдата ранеными, вражеские потери оцениваются в 2,000 убитых и 4,000 раненых и т.д.

С. 49. Могил Караманли... – Могилы властителей из династии Караманли, правивших Триполитанией в XVIII – первой трети

XIX в. «Крутой подъем на холм, мы покидаем берег и через десять минут оказываемся у гробниц Караманли. Здесь мирно спят их царственные покойники, не зная и не думая о всех переменах, что произошли в Триполи с тех пор, как власть ушла из рук их династии. Они выбрали прекрасное место, высоко на песчаном холме, над морем, в одиноком безмолвии. Купола и стены блестят на солнце поразительной белизной» (Braun Ethel. *The New Tripoli and What I Saw in the Hinterland*. London-Leipzig, 1914. С. 196).

С. 49. «*Matin*» – «Le Matin», французская ежедневная газета (1883-1944), в период итало-турецкой войны занимала ярко выраженную проитальянскую позицию.

С. 49. *Генерал-аншеф Канева...* – Карло Франческо Канева (1845-1922) командующий итальянским экспедиционным корпусом, губернатор Триполитании. Участвовал в австро-прусской войне на стороне Австрии, в 1867 перешел на службу в итальянскую армию. В конце 1890-х гг. сражался в Эритрее, где дослужился до звания генерал-майора. Во время итало-турецкой войны неоднократно критиковался в Италии за трусость, излишнюю осторожность и недалководность, был смещен в сентябре 1912 г.

С. 49. *Курс bluff'a...* – Bluff – блеф, вранье (англ.).

С. 49. *С Соннино во главе...* – Сидней Соннино (1847-1922) – итальянский политик, либеральный консерватор, в 1906 и 1909-1910 гг. непродолжительное время возглавлял кабинет министров. В качестве министра иностранных дел в правительстве А. Саландра принимал участие в тайных лондонских переговорах, которые привели к вступлению Италии в Первую мировую войну.

С. 50. *Джиолитти...* – Джованни Джиолитти (1842-1928) – итальянский политик, государственный деятель, в 1892-1921 гг. пять раз становился премьер-министром Италии. Будучи главой правительства в 1911 г., под давлением националистов санкционировал итало-турецкую войну, в 1920-21 гг. на посту главы пра-

вительства толерантно относился к деятельности итальянских фашистов и пользовался их поддержкой.

С. 50. Флот должен был укрыться в Кунео... – Кунео – город в Пьемонте, столица итальянской провинции Кунео, здесь приведен как пример города, не имеющего морской гавани.

С. 50. Тот восхитительный редактор «Daily Mirror», который, охваченный ужасом при кратковременном возвращении холеры, оправдывал свое бегство, симулируя глубокое негодование по поводу наших мнимых жестокостей... – Подразумевается Томас Грант, корреспондент британской иллюстрированной газеты «Daily Mirror» (основана в 1903 г. как женское издание, в настоящее время – таблоид), который сообщал о расправах итальянцев над жителями оазиса Триполи и расстрелах мирных жителей в конце октября 1911 г. Вспышки холеры отмечались в Триполи и окрестностях с 1910 г. Осенью 1911 г. началась эпидемия, которая продолжалась до конца декабря; из 1080 заболевших итальянских солдат свыше 330 умерли. «В городе свирепствует холера, и все же офицеры лакомятся перезрелыми дынями и пьют воду из уличных резервуаров. И офицеры, и рядовые «наполняют животы» пивом, фатальным для жаркого климата напитком – особенно в том случае, когда пиво несвежее. Никто, кажется, даже не слышал о такой вещи, как противохолерный пояс» – пишет очевидец ((McCullagh Francis. *Op. cit.* С. 71-72). Этот же автор указывает, что к середине октября холера ежедневно уносила жизни десятки жителей Триполи. Эпидемия холеры распространилась также среди турецко-арабских войск, укрепившихся в Айн-Зара (см. комм. к с. 52), приведя к смерти нескольких сотен человек.

С. 50. Был между ними некто, по имени Вейбель, корреспондент «Frankfurter Zeitung»... который позднее был изгнан немецким консулом за то, что явно подготавливал и поддерживал восстание арабов... – Вальтер Вейбель – корреспондент немецкой газеты «Frankfurter Zeitung» в Триполи. В одном из своих сообщений заявил, что после событий 23 октября «началась дикая охота на людей, и солдатам было даже позволено стрелять по женщинам и детям. До сих пор по меньшей

мере 3,000 туземцев были преданы казни или расстреляны... В ходе применения этих мер я лично наблюдал неслыханные жестокости» (McCullagh Francis. *Italy's War for a Desert, Being Some Experiences of a War Correspondent with the Italians in Tripoli*. Chicago, 1913. С. 260). По утверждению Мак-Куллаха, «поскольку д-р Вальтер Вейбель из «Frankfurter Zeitung» пытался рассказать правду о том, что творится в Триполи, для него стало невозможно жить или работать там» (*ibid.*, с. xxi).

С. 51. «Giornale d'Italia»... – «Giornale d'Italia» (1901-1976) – одна из важнейших газет Италии, основана С. Соннино и А. Саландра (см. комм. к с. 49). Фактически ввела в итальянской прессе технику использования «первой полосы» с наиболее важными новостями. К 1913 г. тираж газеты составлял 130,000 экз.

С. 52. Эта батарея, впоследствии захваченная в плен у Айн-Зара... – Айн-Зара (Айн-Зара) – местность в 10 км от Триполи. «Это место – *fonduk* или торговая остановка для караванов» (Braun Ethel. *Op. cit.* С. 210). В Айн-Зара, по итальянским источникам, располагалось несколько тысяч турецких солдат и их триполитанских союзников и артиллерийская батарея орудий Круппа; итальянцы захватили Айн-Зара в начале декабря после массовой атаки при поддержке артиллерии.

С. 52. Блокада Фети-бея... – Фети-бей (точнее Фетхи-бей), турецкий военный атташе в Париже, был одним из видных турецких офицеров, которые осенью 1911 г. сумели проникнуть в регион для организации сопротивления итальянскому вторжению. «Рассказывают, что Фетхи-бей пересек тунисскую границу под маской туарега и присоединился к армии, которой теперь командует» (McCullagh Francis. *Op. cit.* С. 77).

С. 52. Стойкого и непоколебимого полковника Фара, из 11-го Берсальерского полка... – Густаво Фара – командир 11-го полка берсальеров. За героизм в войне в конце декабря 1911 г. был произведен в звание генерал-майора. Был одним из высокопоставленных военных, участвовавших в подготовке фашистского «марша на Рим» в 1922 г.

С. 52. Жаном Каррэр... Коррадини ... Кастеллини... – Жан Каррэр (Каррер) – римский корреспондент парижской «Le Temps», занимал проитальянскую позицию. В ночь на 1 декабря 1911 г. получил ножевое ранение во время нападения в Триполи, в котором обвинил турецких агентов. Коррадини – Энрико Коррадини (1865-1931), итальянский писатель и видный националист, один из основателей Итальянской националистической ассоциации и редактор националистического еженедельника «L'Idée Nazionale»; активно поддерживал вторжение в Ливию, написал книгу «Завоевание Триполи. Письмо с войны» (1912), впоследствии сторонник фашистов, сенатор при Муссолини. Кастеллини – один из патриотически настроенных итальянских журналистов в Триполи.

С. 52. Форт Гамидие... – Гамидие (Хамидие) – один из фортов, защищавших гавань Триполи. «Единственный форт, обстреливающий вход в гавань, Гамидие, расположен <...> в 3,5–4 км восточнее города и состоит из двух земляных валов, высотой не больше 2 метров и метра 3–4 толщиной. В 1907 г. Vanse нашел на нем только одно орудие. По позднейшим сведениям, на форту находились: одно орудие калибром в 240 мм, одно орудие в 152 мм и одно орудие 90-мм» (Масловский Сергей. *Итало-турецкая война*. СПб., 1911).

С. 52. Прекрасная гарибальдическая fuga... – В период итало-турецкой войны сравнение итальянских сил с войсками народного героя Италии, революционера и полководца Джузеппе Гарибальди (1807-1882) в патриотической прессе было повсеместным. Газеты много писали о гибели капитана Пьетро Верри, который в сражении 26 октября 1911 г. повел военных моряков в штыковую атаку с криком «Вперед, гарибальдийцы моря!» и был убит вражеским револьверным выстрелом в голову. В числе прочих, его воспел Г. Д'Аннунцио в «Песни о Диане» (D'Annunzio Gabriele. *Le canzoni della gesta d'oltremare*. Milano, 1912).

С. 52. *Пятью десятками отважных авиаторов...* – Итальянские войска в регионе располагали четырьмя эскадрильями самолетов «Блерио», «Ньюпорт» и «Фарман», которые пилотировали военные летчики и гражданские добровольцы. Авиация в итало-турецкой войне была впервые использована не только для воздушной разведки, аэрофотосъемки и корректировки артиллерийского огня (см. комм. к с. 38), но и для бомбометания: 1 ноября 1911 г. Джулио Гавотти сбросил три гранаты на турецко-арабские позиции у Айн-Зары. В общей сложности в период итало-турецкой войны итальянские авиаторы совершили более 700 вылетов.

С. 54. *Мне, например, случилось ранить в руку известного литератора на одной парижской дуэли...* – В начале апреля 1909 г. на премьере в парижском театре Малиньи пьеса Маринетти «Пирующий король» была освистана публикой; критик Шарль-Анри Гирш приписал «вульгарность» пьесы итальянскому происхождению Маринетти, после чего оскорбленный футурист публично залепил ему пощечину. Дуэль состоялась утром 16 апреля 1909 г. «Противники сражались яростно и сходились не менее двенадцати раз. У итальянца было преимущество, но француз проявил отвагу. Шпага Гирша сломалась и позднее он получил ранение в руку. Он потребовал продолжать дуэль и рана была забинтована, но постепенно он перестал владеть рукой и секунданты решительно потребовали прекращения враждебных действий» (*The New York Times*. 1909. 17 апреля).

С. 54. *Саде Пыток, который на моих глазах открыли в Генни: сотни трупов итальянских солдат...* – В ноябре 1911 г. итальянские войска обнаружили в районе Генни (Энни) множество изуродованных тел берсальеров, погибших или захваченных в плен в бою 23 октября. Итальянская и сочувствующая европейская пресса писала, что пленные были подвергнуты пыткам, некоторые из них распяты у стен мечети и т.д. «Нет сомнений, что из восьмидесяти несчастных, чьи тела мы там обнаружили, около половины попали живыми в руки врагов, и всех их притащили в это место, окруженное стенами <...>. Здесь произошла самая злодейская и подлая резня, какую только можно себе представить. Ноги жертв были отрезаны, руки вырваны из тел.

Некоторые были распяты. Рот одного был разрезан от уха до уха; у другого отрезан нос; у других отрезаны уши, ногти вырваны каким-то острым инструментом» – писал знаменитый романист Гастон Леру, международный корреспондент «Le Matin». Критики итальянского вторжения, признавая факты убийства пленных, в то же время утверждали, что они были вызваны жестоким обращением итальянцев с местным населением.

С. 55. Мы подверглись роковому влиянию нашего гуманитарного колониализма... – ср.: «Итальянские солдаты всемерно старались избежать невинных жертв, и я готов утверждать, что в вопросе подавления восстаний мы виновны в излишней снисходительности по отношению к туземцам» (Grace Tullio. *With the Italians in Tripoli. The Authentic History of the Turco-Italian War.* London, 1912. С. 164). Но даже в этой книге, представляющей собой апологию итальянской политики, можно найти сведения о повальных обысках и арестах, расстрелах повстанцев на месте, сожжении домов и насильственной эвакуации жителей: «Многие дома представляли собой целые арсеналы, не говоря уж о закопанных в земле ружьях и аммуниции, которые наши люди находили повсюду. Чтобы покончить с этим положением вещей, генерал Канева велел очистить оазис. Всех людей привели в город; они шли караванами, вместе со своим скотом, а их пожитки и имущество тащили верблюды» (*ibid.*, с.171).

С. 57. «Галабие»... – Галабие (также галабия, джелабия) – традиционная женская арабская одежда, платье с длинными рукавами и вырезом у шеи, в зависимости от количества вышивок и др. украшений служит либо повседневной, либо праздничной одеждой. Мужская галабия отличается простотой, обычно шьется из полосатой или белой материи.

С. 59. Фрэнсис Мак-Куллах... – Капитан Фрэнсис Мак-Куллах (1874-1956) – британский военный корреспондент, искатель приключений, разведчик, католик и антикоммунист. Писал для «New York Herald», «Westminster Gazette» и др. изданий. Сопровождал русские казачьи отряды во время русско-японской войны и побывал в японском плену. Во время Первой мировой войны служил в Королевском ирландском фузилерном полку, затем за-

нимался разведывательной деятельностью на Балканах. Во время гражданской войны в России находился в Сибири в составе британской военной миссии, после падения Омска попал в большевистский плен. В тридцатых годах писал о событиях в Испании, освещал гражданскую войну с точки зрения франкистов. Умер в США. Мак-Куллах был автором книг «С казаками: История ирландца, который прошел с казаками русско-японскую войну» (1906), «Падение Абдул-Хамида» (1910), «Большевистское преследование христианства» (1924), «Красная Мексика: Власть террора в Америке» (1928), «В Испании Франко» (1937) и др. Его статьи об итало-турецкой войне и часто цитируемая выше книга «Война Италии за пустыню. Некоторые переживания военного корреспондента, находившегося с итальянцами в Триполи» (1913) вызвали международный резонанс. «Эта книга, в которой изложены впечатления и переживания м-ра Фрэнсиса Мак-Куллаха, является красноречивым обвинением в адрес войны как «смеси резни и неразберихи». М-р Мак-Куллах отправился в Триполи в качестве военного корреспондента, предрасположенного к итальянцам. Его беспрецедентное решение оставить свой пост из-за отвращения, которое он испытал к увиденным им жестокостям, вызвало шум по всему миру. Он написал эту книгу, желая поведать миру, что в действительности произошло» (*The Publisher's Weekly*. 1913. Vol. 84. Part I. С. 811).

С. 59. *Джингоистами...* – Джингоизм – радикальный национализм, шовинизм, сопровождающийся угрозами и агрессией в отношении других стран.

С. 60. «*Canzone dei Trofei*»... – «*Canzone dei Trofei*» («Песнь о трофеях») – одно из патриотических стихотворений Г. д'Аннунцио, воспевавших военные подвиги итальянцев в Северной Африке, вошло в книгу «Меропа» (1912) из серии поэтических книг д'Аннунцио под общим названием «Прославление небес, моря, земли и героев».

Оглавление

<i>В. Шершеневич.</i> Предисловие	6
Битва у Триполи	
1. На опасном посту	17
2. Оркестр ночных траншей	19
3. Битва	25
4. Лейтенант Франкини	28
5. Карамболи Скарпетты	30
5. Великая симфония гранат	33
7. Пиацца летел и пел	38
8. Победа земледельческих гранат	42
Ответы на турецкие утки	
Первый ответ	47
Второй	52
<i>Фрэнсис Мак-Куллах.</i> Ответ Маринетти	58
К о м м е н т а р и и	61
Книги издательства Salamandra P.V.V.	94

Книги издательства Salamandra P.V.V.

Джозайя Флинг. Хобо в России. 108 с., илл.

Воспоминания американского писателя-бродяги Джозайи Флинга о путешествиях в Россию, Льве Толстом и жизни в Ясной Поляне, странствиях с русскими бродягами, столичной полицией и генерале Куропаткине. Первый перевод на русский язык.

А. Я. Гуревич. Москва в начале XX века: Заметки современника. 212 с., илл.

Написанные на склоне лет воспоминания А. Я. Гуревича, участника советской космической программы, живо рисуют облик навсегда ушедшей Москвы. Память автора сохранила драгоценные детали и приметы быта Москвы начала XX века.

Борис Херсонский. Новый Естествослов. 154 с., илл.

Новая книга известного поэта, автора более десяти поэтических сборников, содержит вариации на тему Естествослова-Бестиария и представляет собою поэтические переложения средневековых текстов.

Райские цветы, помещенные в семи цветниках. 80 с. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. I).

Первая книга новой серии «Gemma Magica. Материалы и исследования по истории магии и оккультизма» знакомит читателя с редкостным масонским изданием – переводом мистического шедевра XVII в. «Херувимский странник».

История доктора Джона Фаустуса. 40 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. II).

Впервые на русском языке – перевод народной книжки о знаменитом чародее и некроманте докторе Джоне Фаустусе, изданной в Англии в 1787 году.

Роман Шмараков. Под буковым кровом. 208 с., илл.

В этой книге доктор филологических наук и прекрасный переводчик античной поэзии Роман Шмараков представляет свои прозаические опыты – семь изысканных и стилистически безупречных новелл, действие которых переносит читателя из древней Греции в Германию XVIII века, Италию времен Ренессанса и Россию «дворянских гнезд» века девятнадцатого.

Крата Репоа. 100 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. III).

Первое за почти 100 лет полное переиздание знаменитого трактата «Крата Репоа» - таинственной книги, которая оказала глубокое влияние на судьбы европейского и русского масонства XVIII-XIX веков и стала «фундаментальным документом» европейской эзотерики в целом.

М. И. Попов. Описание древняго славенскаго языческаго баснословия, собраннаго из разных писателей, и снабденнаго примечаниями. 80 с., илл. (Gemma magica: Материалы и исследования по истории магии и оккультизма: Вып. IV).

«Описание древняго славенскаго языческаго баснословия» (1768) одаренного писателя, поэта и переводчика М. И. Попова стало одним из первых сочинений, ре/конструировавших мифологический пантеон, демонологию и народную магию древних славян. С XVIII в. этот важный источник оставался труднодоступен для широкого читателя.

В серии «Библиотека авангарда» вышли книги:

Книга является первым современным изданием произведений «футуриста жизни» Владимира Гольцшмидта (1891? – 1957), поэта, агитатора, культуриста и одного из зачинателей жанра артистического перформанса.

Основатель московского «Кафе поэтов» и создатель памятника самому себе, авантюрист и йог, ломавший о собственную голову доски во время выступлений, Гольцшмидт остался легендарной фигурой в истории русского футуризма.

В данном издании полностью воспроизводится единственная и редчайшая книга стихов и манифестов Гольцшмидта «Послания Владимира жизни с пути к истине», изданная на Камчатке в 1919 году, а также публикуется свод мемуаров и критических статей об этом недооцененном деятеле русского авангарда.

Когда в 1911 г. разразилась итало-турецкая война за власть над колониями в Северной Африке, которым предстояло стать Ливией, основатель итальянского футуризма, неистовый урбанист и певец авиации и машин Филиппо Томмазо Маринетти превратился в военного корреспондента.

Военные впечатления Маринетти воплотились в яростном сочинении «Битва у Триполи» (1911). Эта книга поэтической прозы в полной мере отразила как литературное дарование, так и милитаристский пафос итальянского футуриста.

Переведенная на русский язык эгофутуристом и будущим лидером имажинизма В. Шершеневичем, «Битва у Триполи» не переиздавалась с 1915 г. и давно является библиографической редкостью. Издание снабжено подробными комментариями.